

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра методики преподавания русского языка и литературы

Выпускная квалификационная работа

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ОБРАЗЫ В ПРОЗЕ И.А. МИНИНА

Работу выполнила:
студентка 256 группы
направления подготовки
44.03.05 «Педагогическое
образование», профили «Родной
язык и литература»,
«Русский язык»
Бормотова Ольга Александровна

(подпись)

«Допущена к защите в ГЭК»

Зав. кафедрой

(подпись)

« ____ » _____ 2018 г.

Руководитель:
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры методики преподавания
русского языка и литературы
Гордеева Елена Михайловна

(подпись)

ПЕРМЬ
2018

АННОТАЦИЯ

Данная работа посвящена изучению связей фольклора и коми-пермяцкой литературы. В центре исследовательского внимания оказывается творчество И.А. Минина. Устанавливается, что в рассказах и повестях коми-пермяцкого писателя наиболее востребованными из фольклорных жанров оказываются предание и быличка, из форм присутствия фольклора в художественном тексте наиболее частотным является образное заимствование: богатыри и леший становятся прототипами литературных героев. Подчеркивается, что анализ художественных произведений И.А. Минина в плане связей с фольклором обогащает имеющиеся научные представления о его творчестве, дает возможность выявить глубинные связи коми-пермяцкой прозы с устным народным творчеством.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА...9	
1.1. Типы фольклорных заимствований в художественной литературе	9
1.2. История изучения связей коми-пермяцкой литературы с фольклором ..	18
ГЛАВА ВТОРАЯ. ФОЛЬКЛОРИЗМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. МИНИНА.....24	
2.1. Образы богатырей в рассказах и повестях И.А. Минина.....	24
2.2. Образ лешего в рассказах и повестях И.А. Минина	33
2.2.1. Образ лешего как прототипа.....	34
2.2.2. Образ лешего как литературного героя.....	44
2.2.3. Образ лешего в речевой характеристике героев.....	50
Методические рекомендации по использованию материалов.....	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	74
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	76

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие литературы и устного народного творчества всегда было предметом пристального научного исследования. В современной науке наметились разные аспекты в изучении литературно-фольклорных отношений: во-первых, это фольклоризм литературы (выявление роли фольклора в литературе); во-вторых, литературность фольклора (определение роли литературы в развитии фольклора).

Следует подчеркнуть, что для литературоведения важным стало раскрытие функций устного народного творчества в художественных произведениях, изучение конкретных способов использования фольклорных источников в творчестве писателей, выявление как глубинных связей, так и типологических схождений.

Изучением традиций устного народного творчества в национальных литературах исследователи занимаются давно и плодотворно. Связи коми-пермяцкой литературы с фольклором рассматриваются в работах В.В. Пахоруковой, Л.А. Косовой и др. Учеными установлено, что коми-пермяцкая проза интенсивно осваивает такие фольклорные жанры, как легенда, предание, сказка, быличка: трудно назвать коми-пермяцкого писателя, который бы не опирался на них в своем творчестве. Весьма разнообразными оказываются и пути проникновения устного народного творчества в художественный текст: от непосредственного включения в литературное произведение фольклорного материала до использования его отдельных тем, образов и мотивов. При этом доминирующим следует признать образное заимствование: герои преданий, легенд, сказок, быличек становятся «прототипами» литературных героев.

Актуальность данного исследования связана с изучением взаимодействия устного народного творчества с одной из младописьменных литератур России, которая вышла из фольклора и не утратила этих связей до сих пор. Актуальность данной темы обуславливается также необходимостью

расширить имеющиеся научные представления о коми-пермяцкой прозе, о ее связях с фольклорной традицией.

В плане взаимодействия литературы с фольклором интерес представляет творчество Ивана Алексеевича Минина (1926–1990), в указанном аспекте еще недостаточно изученное.

Минин – известный коми-пермяцкий поэт и прозаик. В коми-пермяцкую литературу он вошел в начале 1950-х гг. Его творчество, совпавшее с периодом расцвета коми-пермяцкой прозы второй половины XX века, – одна из ярких ее страниц.

В 1950-60-е гг. Минин писал, прежде всего, поэтические произведения. Им были опубликованы такие сборники стихотворений, как «Югъялӧ шонді» («Сияет солнце», 1951), «Туйын и гортын» («В дороге и дома», 1954), «Тэнат асыв» («Твое утро», 1957), «Шоррез визывтӧны» («Ручьи текут», 1961) и др. Кроме того, Минин выпустил в свет два поэтических сборника о детях и для детей: «Мийӧ быдмамӧ» («Мы растем», 1959) и «Чачасин» («Ромашка», 1981).

На рубеже 1960-70-х гг. он заявляет о себе как прозаик. Ему принадлежат рассказы, объединенные в сборники: «Таво гожумнас» («Этим летом», 1963), «Оча морос» («Лицом к лицу», 1964); повести «Чӧвпан мыс дын» («У Челпан горы», 1962), «Паныт уйис тӧлісь» («Навстречу плыла луна», 1968), «Ва увтын пос» («Мост под водой», 1970), «Боболь Ванялӧн шапка» («Шапка Боболь Вани», 1972) и др. Примечательно, что некоторые повести увидели свет и на русском языке. Среди них наиболее известными оказались «Паныт уйис тӧлісь» («Сто верст до города»), «Ва увтын пос» («Монастырский сундук»). Переводчиком был сам писатель. Многие прозаические художественные тексты Минина стали классикой коми-пермяцкой литературы.

Материалом является литературное наследие крупнейшего коми-пермяцкого прозаика Минина. **Объектом изучения** служат его рассказы «Вижлок Пронялӧн медбӧрья ой» («Последняя ночь Вижлок Прони», 1962),

«Кыз менӧ колдуньяӧн шуисӧ» («Как меня колдуньей называли», 1964), «Макарихалӧн счастье» («Счастье Макарихи», 1964), «Ойся цветтэз» («Ночные цветы», 1964) «Оча морос» («Лицом к лицу», 1964), «Свадьба панытӧ» («Перед свадьбой», 1964) «Шоныт кеписсез» («Теплые варежки», 1964), «Комолӧй чӧрт» («Безрогий черт», 1972); повести «Боболь Ванялӧн шапка» («Шапка Боболь Вани», 1972), «Ва увтын пос» («Мост под водой», 1970), «Паныт уйис тӧлӧсь» («Навстречу плыла луна», 1968), «Чӧвпан мыс дын» («У Челпан горы», 1962), «Ӧтик лун и ӧтик ой» («Один день и одна ночь», 1982), «Кыз шыньялӧ Апостол» («Как смеется Апостол», 1988), «Чекистлӧн сӧлӧм» («Сердце чекиста», 1988). **Предмет исследования** – связи указанных произведений с устным народным творчеством.

Степень изученности. Произведения, выбранные нами для анализа, изучены недостаточно, в том числе и в плане взаимодействия с фольклором. Отклики на них были немногочисленными. На наш взгляд, данные художественные тексты взаимодействуют с коми-пермяцкими быличками и преданиями. Рассказы и повести Минина представляют интерес, прежде всего, с точки зрения образного заимствования.

Цель работы – исследовать фольклорные образы в прозе Минина. Поставленная цель предполагает решение следующих основных **задач**:

- дать научное представление о связях литературы и устного народного творчества, о типах фольклорных заимствований в художественной литературе;
- выявить черты эпических героев в художественных образах Минина;
- рассмотреть образ лешего как «прототипа» и литературного героя в рассказах и повестях Минина;
- сделать выводы о фольклоризме прозы Минина.

Методологическая основа исследования предполагает сочетание нескольких подходов. При анализе типов взаимодействия литературы и фольклора мы опирались на теоретические положения, выдвинутые в трудах

Д.С. Лихачева, У.Б. Далгата, Д.Н. Медриша, А.А. Горелова, О.Ю. Трыковой. Работы В.В. Пахоруковой, Л.А. Косовой позволили изучить проблему литературно-фольклорных связей в коми-пермяцкой литературе. Для исследования фольклорных образов в структуре художественного текста применялись труды Э.В. Померанцевой, М.Н. Ожеговой, В.В. Климова, Т.Г. Голевой. В научном осмыслении творчества Минина ориентирами послужили, прежде всего, монографии В.В. Пахоруковой.

Специфика художественного материала, задачи работы обусловили сочетание **сравнительно-типологического** и **структурно-семантического** методов исследования.

Научная новизна данного исследования определяется тем, что в нем впервые детально изучается роль фольклорных образов в прозе Минина, впервые для анализа литературно-фольклорных связей в коми-пермяцкой литературе привлекается большой историко-литературный материал.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении сложившихся представлений о литературно-фольклорных связях, протекающих в коми-пермяцкой литературе, а также в обогащении имеющихся научных представлений о прозе Минина.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в школьных и вузовских курсах истории родной литературы, литературы родственных народов, фольклора родного народа; в спецкурсах, посвященных фольклоризму коми-пермяцких писателей, в дальнейшем монографическом изучении творчества Минина.

Апробация работы. Основные положения работы излагались в докладах на научно-методической студенческой конференции «Молодая филология – 2017. Язык и литература: актуальные исследования» (Пермь, ПГГПУ, 2017); на студенческой научной конференции «Молодая филология – 2018: Человек, культура, социум» (Пермь, ПГГПУ, 2018), а также на Международном форуме «Финно-угорский мир в культуре России»

(Кудымкар, ГКБУ «Коми-Пермяцкий окружной государственный архив», 2018).

Структура работы определяется поставленной целью и задачами исследования. Данная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы. Во введении обосновывается актуальность работы, формулируются цель и задачи исследования, указываются объект и предмет научного изучения, определяется материал, раскрываются теоретическая и практическая значимость, а также новизна работы. В первой главе представлен аналитический обзор научной литературы по теме исследования. Определяются основные термины и понятия, используемые в работе, формируется методологическая база исследования. Вторая глава посвящена изучению образов коми-пермяцких богатырей и образа лешего в художественных произведениях Минина. Указывается, что богатырскими чертами наделяются, прежде всего, положительные герои произведений, что признаки данных персонажей в художественных текстах выступают как этнические маркеры. Отмечается, что литературного героя с эпическим сближают, прежде всего, портретные характеристики (сила, выносливость, мощь). Леший в прозе представлен в разных ипостасях. Подчеркивается, что образ лешего, становясь игрой воображения писателя, входит в произведение как персонаж; однако чаще чертами лешего наделяется отрицательный литературный герой, так или иначе напоминающий его. В заключении представлены основные выводы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

В данной главе систематизируются научные представления о литературно-фольклорных связях. Полнота аналитического обзора самоцелью не является. Круг освещаемых проблем диктуется, с одной стороны, необходимостью определить используемые в работе термины и понятия, сформировать методологическую базу исследования, с другой – остановиться на тех вопросах проблемы, которые имеют непосредственное отношение к художественному материалу, исследуемому в данной работе.

В первом параграфе рассматриваются пути проникновения фольклора в литературу. Во втором параграфе речь идет о фольклорной традиции в коми-пермяцкой литературе.

1.1. Типы фольклорных заимствований в художественной литературе

К вопросу взаимоотношения литературы и фольклора исследователи обращались в различные исторические периоды. Интерес к данной проблеме не угасает и в современном литературоведении, фольклористике. Ученые, прежде всего, пытаются выяснить пути проникновения фольклора в литературу, функции фольклорного материала в художественном тексте, его роль в раскрытии образов-персонажей, развитии сюжета. В решении данных вопросов исследователи обращаются как к творчеству конкретного писателя, так и к национальным литературам.

Одним из первых в XX веке изучать типы фольклорных заимствований предпринял Н.П. Андреев. В статье «Фольклор и литература» (1936) ученый рассматривал проникновение как фольклора в литературу, так и литературы в фольклор. Автор утверждал, что писатели используют самые разнообразные фольклорные материалы, и задача исследователя состоит в том, чтобы установить причины обращения к тому или иному фольклорному тексту в

каждом конкретном случае. Исследователь подчеркивал, что у разных писателей привлекаемый из устного народного творчества материал выполняет различные функции, а это, как утверждает автор статьи, зависит от их идеологической позиции. Поэтому всякий раз, анализируя связь литературы и фольклора в творчестве отдельно взятого писателя, необходимо учитывать его мировоззрение, которым обуславливается и отбор фольклорного материала, и характер его использования. Н.П. Андреевым отмечаются пути проникновения литературного произведения в устную традицию. Здесь важную роль, как замечает автор, сыграла солдатчина, которая перебрасывала людей из деревни в город, из города в город и из города в деревню, а также работа бывших крестьян на фабриках и заводах. Так, люди могли передавать друг другу услышанные литературные сюжеты, образы, мотивы, на их основе создавать собственные устные произведения искусства.

Заслуживает внимание замечание ученого о том, что границы между литературой и фольклором стираются. Этот процесс происходит потому, что, с одной стороны, литература начала XX века становится доступной для большого количества людей, для которых уже нет необходимости питаться исключительно устным народным творчеством, с другой стороны, эта масса людей, пробужденная к новой жизни, имеет возможность зафиксировать свое творчество на бумаге. Из сказанного следует, что литература (по Н.П. Андрееву) становится общедоступной и в этом отношении фольклорной, а фольклор становится литературным в силу того, что имеет возможность печататься.

Заслуга Н.П. Андреева состоит в том, что он одним из первых теоретически обосновал причины использования того или иного фольклорного текста. Кроме того, исследователем были подняты и другие важные вопросы, например, каковы пути проникновения литературного материала в устную поэзию, кто переносит в устное бытование те или иные произведения и др.

Не менее значимой представляется работа В.К. Пиксанова «Горький и фольклор» (1938). Несмотря на то, что монография посвящена творчеству отдельно взятого писателя, в ней обсуждаются и теоретические проблемы. К их числу относится типология фольклорных заимствований. В.К. Пиксанов фокусирует исследовательское внимание на жанровом аспекте взаимодействия литературы и фольклора; говоря о вхождении фольклорного жанра в художественное произведение, выделяет такой тип взаимодействия двух художественных систем, как цитирование. По мнению В.К. Пиксанова, литератор постоянно цитирует народнопоэтические тексты. В произведениях художника слова можно встретить самые разные жанры фольклора (духовные стихи, религиозные легенды, причитания, старинные лирические песни, песни разбойничьи и тюремные, сказки, пословицы, частушки и др.).

Кроме того, работа В.К. Пиксанова представляет интерес своими рубриками, охватывающими всю многогранную деятельность А.М. Горького, связанную с народным творчеством: собрание и изучение фольклора писателем, фольклор в системе воззрений писателя, влияние фольклора на творчество, фольклор других народов страны, мировая литература и фольклор. Подобная рубрикация может быть использована и при изучении творчества других писателей, так или иначе ориентированных на народнопоэтическую традицию.

Значительный вклад в исследование литературно-фольклорных отношений внес Д.С. Лихачев. В его работах высказаны взгляды на процессы, которые осуществляются между литературой и фольклором в разные исторические периоды. Так, автор исследования отмечает, что система жанров литературы Древней Руси была неполной и не могла существовать самостоятельно, поэтому была вынуждена обратиться к жанрам устного народного творчества. Произведения, возникшие на стыке литературы и фольклора, Д.С. Лихачев называет «полулитературные–полуфольклорные» («Слово о погибели Русской земли», «Моление Даниила Заточника»). При этом, как считает ученый, жанровое влияние могло быть

закреплено за каким-либо одним ключевым жанром, элементы которого можно встретить во многих произведениях литературы.

Исследователь подробно останавливается на анализе фольклорных признаков в «Повести временных лет», «Слове о полку Игореве», «Повести о разорении Рязани Батыем», «Задонщине», «Повести о Петре и Февронии Муромских». Исследовав особенности функционирования в литературе Древней Руси фольклорных элементов на уровне сюжетов, мотивов, образов, жанров, стилей, приемов, Д.С. Лихачев приходит к выводу об их информационно-художественном многообразии.

В разделе «Сложение литературы. Литература и фольклор в X–XIII веках» Д.С. Лихачев высказал взгляды на взаимодействие фольклора и литературы в Новое время. Согласно представлениям ученого, в Новое время это «две более или менее независимые друг от друга области, обслуживающие две различные среды», в то время как в Средние века – «тесно спаренные» области.

Ученый считал, что фольклор привлекается в литературу, особенно в XIX веке, с несколькими основными целями:

- во-первых, для ее «оживления»;
- во-вторых, для придания ей своеобразного, народного колорита;
- в-третьих, для выражения народности;
- в-четвертых, при необходимости выразить сочувствие народу.

Д.С. Лихачев полагал, что «даже и при своем привлечении в литературу фольклор воспринимается как в известной мере чужеродный, посторонний литературе элемент, но тесно связанный со своей народной средой» [Лихачев 1973: 43].

Наиболее подробно классификация типов фольклорного заимствования представлена в работе А.А. Горелова «К истолкованию понятия фольклоризм литературы» (1979). Ученый выделяет следующие типы:

- 1) цитирование [Горелов 1979: 42];

2) стилизация органическая (в жанре литературного сказа), неорганическая (псевдостилизация) и книжная (по мотивам Библий, летописей) [Горелов 1979: 41];

3) поэтический фольклоризм: использование всех элементов фольклорной поэтики в стилистических и других целях [Горелов 1979: 38];

4) песенный фольклоризм, т.е. использование особого лирического эмоционального потенциала фольклорной песни, мелодики фольклорного стиха [Горелов 1979: 38];

5) жанровый фольклоризм (обращение к жанрам фольклора) [Горелов 1979: 46];

6) мифологический фольклоризм (разработка в форме какого-либо жанра литературы мифологического сюжета, использование мифологической символики, особенностей мифологического мышления) [Горелов 1979: 39];

7) мировоззренческий фольклоризм (использование особенностей мировоззрения народа, его взглядов на мироустройство и т.д. [Горелов 1979: 43].

В последней трети XX века проблема взаимосвязи устного народного творчества и литературы освещена в работах Д.Н. Медриша. Д.Н. Медриш – основатель Волгоградской научной школы по изучению литературы и фольклора, автор многочисленных научных и научно-методических работ. В монографии «Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики» он рассматривает литературу и фольклор как «две составные части одной метасистемы» [Медриш 1980: <http://www.twirpx.com/file/753986/?rand=4530905>]. Он утверждает, что с помощью такого подхода можно выявить «общие свойства художественной структуры обеих систем и некоторые общие, региональные и национальные закономерности их взаимодействия» [Медриш 1980: <http://www.twirpx.com/file/753986/?rand=4530905>]. Литературно-фольклорные отношения ученым рассматриваются в трех аспектах:

1) взаимосвязь на уровне события (взаимодействие сюжетов);

- 2) взаимосвязь на уровне стиля (взаимодействие средств выражения);
- 3) непосредственные словесные вкрапления (взаимопроникновение текстов).

Следует заметить, что каждому из типов отношений в работе Д.Н. Медриша отводится отдельная глава. И при анализе тех или иных взаимосвязей исследователь обращается как к явным типологическим схождениям, так и к потаенным генетическим связям.

В рамках генетических связей он анализировал структуру фольклорного и художественного времени, исследовал систему взаимопроникновения текстов фольклора и литературы (цитация, аллюзия, перифраз). К типологическим соответствиям Д.Н. Медриш отнес явление «лиризации» русской прозы, связанное с ее фольклоризмом, а также сближением сюжетно-композиционных ситуаций [Медриш 1980: <http://www.twirpx.com/file/753986/?rand=4530905>]. Свои теоретические положения ученый иллюстрировал анализом художественных произведений А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, В.В. Маяковского, включающих элементы фольклорной традиции.

Не менее значимой является работа У.Б. Далгата «Литература и фольклор» (1981). В основе его исследования лежит системный подход, который, как утверждает автор, позволяет установить типы взаимодействия и характер связей между литературой и фольклором на разных исторических и идейно-эстетических уровнях. Так, ученым выделены «функциональный» и «коррелятивный» типы отношений. Под «функциональным» У.Б. Далгат понимает использование переработанных писателем фольклорных элементов, выполняющих определенную роль в произведении. В свою очередь, коррелятивный тип, по его мнению, подразумевает использование элементов устного творчества в их первоначальном виде. Названные типы отношений рассматриваются автором труда на двух уровнях: в младописьменной литературе и на уровне развитых литератур. При этом на уровне молодых литератур разграничиваются две системы: литературно-

неопределившаяся и литературно-определившаяся. На первом этапе развития литература еще не имеет устойчивых канонов, так как в ней преобладают фольклорные принципы. В связи с этим жанры устного народного творчества включаются в произведение без каких-либо изменений, в первоначальном варианте. Можно сказать, что на данном уровне происходят коррелятивные отношения, которые не приводят к изменениям внутри системы. Что касается второго уровня, то здесь писатель «решает сам заговорить на языке фольклора» [Далгат 1981: 15] и отбирает для своего произведения лишь те фольклорные объекты, которые помогают выразить идею произведения. В этом случае литераторы занимаются обработкой фольклорного материала, стилизацией под народно-поэтические формы. Следует отметить, что в литературно-неопределившейся системе устанавливаются коррелятивные связи, для которых характерно применение устойчивых фольклорных тропов, традиционных сюжетов, схематичных образов. В условиях более развитой литературной среды происходит функциональный отбор материала и его трансформация.

На наш взгляд, заслуживает внимание классификация, предложенная ярославской исследовательницей О.Ю. Трыковой. Ученый выделяет следующие пути проникновения фольклорных произведений в литературу:

1) структурное заимствование: как утверждает исследовательница, заимствование является структурным в том случае, когда «писатель (осознанно или неосознанно) применяет в своем произведении ту или иную структурную модель фольклора» [Трыкова 1999: http://vestnik.yspu.org/releases/doskolnoe_obrazovanie/1_5/]. В качестве примера она приводит роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», где при описании проделок свиты Воланда использована структура народной былички – «свидетельского показания» о встрече с нечистой силой – лешим, домовым, русалкой. Использование общей структуры какого-либо фольклорного текста «дает большой простор авторской фантазии и самостоятельности» [Трыкова 1999: 7].

2) сюжетное заимствование предполагает использование конкретного сюжета из устного народного творчества. Например, роман Л. Петрушевской «Маленькая волшебница» построен на сюжете об ожившей куклке – чудесной помощнице героев;

3) мотивное заимствование: термин «мотив» в современной науке имеет различные значения. В данной работе нас интересует фольклорный мотив. В художественной литературе (как во взрослой, так и в детской) нередко используется традиционный для народной волшебной сказки и детской страшилки мотив запрета – непременно его нарушения и кары за это (М. Горький «Воробьишко», В. Астафьев «Царь-рыба»). Во «взрослой» литературе этот мотив чаще всего трансформируется в запрет морального характера – нарушение его героем становится основой нравственного конфликта и предпосылкой для моральных выводов. Следует заметить, что сказочный мотив может стать композиционной основой для литературного произведения. Так, в романе А. Платонова «Чевенгур» мотив путешествия и решения трудной задачи приобрел сюжетообразующий характер.

4) образное заимствование выражается в двух основных формах. Первая – явное перенесение фольклорного образа в художественное произведение, например, смерть в произведениях М. Горького, А. Твардовского, А. Кима и др. Вторая форма образного заимствования связана с ассоциациями, когда создаваемый писателем образ лишь напоминает нам о фольклоре. Такой прием встречается в том же «Чевенгуре», где образы Степана Копенкина и его коня Пролетарская Сила имеют былинно-сказочные прототипы.

5) цитирование: прием цитирования выделяют многие исследователи (В.К. Пиксанов, Д.С. Лихачев, Д.Н. Медриш), характеризуя литературно-фольклорные отношения. Так, согласно Г. Левинтону: «Цитация – такое включение «чужого текста» в «свой текст», которое должно модифицировать семантику данного текста именно за счет ассоциаций с текстом-источником (цитируемым текстом)...» [Левинтон 1971: 52]. По утверждению

Д.Н. Медриша, цитата может включаться в художественный текст как на фабульном, так и внефабульном уровне. Цитирование может изменять смысл текста (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»), а может приводиться лишь в качестве описания какого-либо явления (А. Блок «Двенадцать») [Медриш 1980: <http://www.twirpx.com/file/753986/?rand=4530905>].

б) использование тропов: О.Ю. Трыкова особо выделяет заимствование художественных приемов и средств устного народного творчества. По ее мнению, тропы фольклора в данный момент стали традиционными для литературы и чаще всего не осознаются как фольклорные в контексте художественного произведения. Тем не менее, необходимо подчеркнуть фольклорное происхождение таких приемов, как постоянный эпитет и инверсия, анафора и антитеза, синтаксический и психологический параллелизм и др. [Трыкова 1999: http://vestnik.yspu.org/releases/doskolnoe_obrazovanie/1_5/].

Итак, наши наблюдения показали, что

- проблема литературно-фольклорных связей, являясь одним из давних вопросов, остается актуальным и в современном литературоведении;

- наиболее очевидными формами присутствия фольклора в художественном произведении являются цитирование; образное, сюжетное, мотивное и структурное заимствование; использование тропов;

- обращение к фольклорной традиции в рамках отдельно взятого художественного произведения может быть, с одной стороны, осознанным выбором автора, с другой стороны, бессознательным обращением к устному народному творчеству, обусловленным мировоззрением писателя.

Предпринятый обзор убеждает в том, что литературно-фольклорные отношения является актуальной научной проблемой, решение которой должно носить теоретический характер и опираться на широкий круг явлений, в том числе и на опыт коми-пермяцкой литературы, имеющей тесные связи с фольклором.

1.2. История изучения связей коми-пермяцкой литературы с фольклором

Коми-пермяцкая литература одна из молодых литератур России. Ее становление ученые относят к 1920-м гг. Источником зарождения называют фольклор и опыт развитых литератур. Проблемой фольклорно-литературных отношений занимались В.В. Пахорукова, Л.А. Косова и др.

Значительный вклад в изучении коми-пермяцкой литературы внесла В.В. Пахорукова – автор многочисленных статей и монографий («Пути и проблемы развития коми-пермяцкой прозы», 1977; «История коми-пермяцкой литературы», 2004; «Коми-пермяцкая литература XX века», 2011). В.В. Пахорукова называет те фольклорные жанры, которые послужили появлению первых литературных произведений: для поэзии – это лирическая песня, а для рождения прозаических произведений – жанры сказочной прозы. Далее исследователь обращается к фольклоризму конкретных писателей. По ее утверждению, основоположник коми-пермяцкой литературы А.Н. Зубов в 1920 гг. обращался к фольклору как к источнику тем, сюжетов, образов, позже как к арсеналу художественно-образительных средств. Так, в песне «Горттём кёк» («Кукует бездомная») В.В. Пахорукова выделяет следующие народные символы: «кукушка» – девушка на выданье, «темный лес» – несчастная жизнь, «белая береза, светлый ручей» – символы воли и счастья [Пахорукова 1977: 29]. Подобные приемы можно встретить и в других произведениях А.Н. Зубова.

Связь с фольклорной традицией можно увидеть и в романе М.П. Лихачева «Менам зон» («Мой сын»). По мнению В.В. Пахоруковой, писатель обращается к народно-поэтическому творчеству, чтобы показать своеобразие окружающей среды, сформировавшей характеры героев [Пахорукова 1977: 76].

В.В. Климов – это известный коми-пермяцкий писатель. Он долгое время занимался собиранием фольклора, что и повлияло на его творчество.

Данный факт не остался без внимания ученых. В.В. Пахорукова утверждает, что В.В. Климов в повести «Гавкалӧн бедь» («Богатырская палица») использует былички, легенды и предания, что все это отражает мифопоэтические представления коми-пермяков [Пахорукова 1977: 110].

В другом произведении В.В. Климова «Дявпу» («Дьявольское дерево»), как утверждает исследовательница, задана тональность сказового повествования, о чем свидетельствует фольклорное начало («Жили-были»); четко обозначены позиции добра и зла; показаны мифологические представления коми-пермяков о жизни и смерти (о двух формах существования души) [Пахорукова 2004: 84].

Не менее интересной связь литературы и фольклора представлена В.В. Пахоруковой при анализе романа В.Я. Баталова «Югдікӧ» («На рассвете»). По ее мнению, Педӧт Лунегов наделен и портретным сходством с Перой, и его характером (строптивность). Исследовательница отмечает, что положительные герои романа напоминают своим поведением «культурных героев» эпоса – Кудым-Оша, Перу-богатыря [Пахорукова 2004: 142]. Пера-богатырь, Кудым-Ош – эстетический идеал, в котором отражены лучшие черты национального характера («правдивость и независимость, ум и ловкость, трудолюбие и смелость») [Пахорукова 2004: 13–14]. Их чертами наделяются литературные герои, так или иначе напоминающие их. Так, богатырской силой наделяются такие герои, как Иван из рассказа В.И. Канюкова «Галяман», Митрей из повести С.А. Федосеева «Кусӧм биэз» («Потухшие огни») и т.д.

Как отмечают исследователи, коми-пермяцкие писатели чаще всего обращаются к мифологическим персонажам. Наиболее популярным среди них оказывается хозяин леса. Так, в романе В.Я. Баталова «Югдікӧ» («На рассвете») леший явился во сне Тиме Лунегову; леший возникает перед Тури Петей в повести В.В. Климова «Гавкалӧн бедь» («Богатырская палица») [Гладких, Гордеева, Подюков 2013: 53]. Нередко литературные герои приобретают черты лешего. К примеру, портрет Жысь Егора напоминает

хозяина леса: «...А мый медыджыт дивоыс, дак этö сылөн чужöмыс. Не чужöм, а чалöй пасьтор. Пашкыра тош да кузь юрси коласын тöдчöны только нырыс да синнэс. Пантасяс сiя вöрын няр сьөлöма мортлö – шöри сiйö повзьöтас. – Вексö вöрын ола, вот и нитшсяли, – баитö Егор аслас гöна чужöм йылись» (...А что самое удивительное, дак это его лицо. Не лицо, а белая шуба. Среди волос и длинной бороды видны только нос да глаза. Встретится он в лесу человеку со слабым сердцем – сильно его испугает. – Всю жизнь в лесу живу, вот и мхом оброс, – говорит Егор о своем волосатом лице)¹ [Климов 1992: 118]. Черты лешего также можно распознать в образе деда Ивана из рассказа «Тöдiсь» («Знающий») Т.П. Фадеева: «Старикыс эта невылын мыгöра, сьöд ота тоша и öддьöн лэчыт сина. Дзар керыштас тэ вылö синнэзöн – топ пыжъянöн шучкöп пырöтас» (Старик этот небольшого роста, с черной широкой бородой и с очень пронизательным взглядом. Взглянет на тебя своими глазами – словно шилом насквозь пройдет) [Фадеев 1991: 49].

Ученые дают следующие обоснования применения былички. Н.И. Кравцов («Русская проза второй половины XIX века и народное творчество», 1972) считает, что писатели с помощью данного фольклорного жанра показывают особенности народных представлений о мире. В одном случае, литературные герои верят в существование демонических персонажей. Таким показан Жысь Егор в повести В.В. Климова «Гавкалөн бедь» («Богатырская палица»): « – А кызд жö! Ассиным хозяйнсö сьöраным нуöтам! – Кинöс этö? – эг вежöрт ме. – Да суседкосö... Олö сiя гор сайын...» (– А как же! Своего хозяина с собой возьмем! – Кого это? – не понял я. – Да домового!.. Живет он за печью...) [Климов 1992: 121].

В других случаях, литературный герой не верит в «нечисть»: «Кызккö неважын вовлис татчö дед Петрован. Кывзiс Öльöшкаöс и неетша сералис, сыбöрын серьёзнöя висьталiс, что абу му вылас некытшöм нечистöй вын, что быдöс эта – öтик сказка» (Как-то недавно приходил сюда дед Петрован.

¹ Здесь и далее дословный перевод сделан автором работы – О.Б.

Послушал Алешку и немало смеялся, затем серьезно сказал, что нет на земле никакой нечистой силы, что все это – одни сказки) [Минин 1970: 20]. Вера в нечистую силу самого писателя также могла служить основой для сюжета произведения.

К фольклору обращается также Т.П. Фадеев. В его романе «Ыбшар» («Жаворонок»), по мнению В.В. Пахоруковой, действует традиционный фольклорно-эпический принцип контраста [Пахорукова 2004: 156]. Люди, которые не поддерживали Таисью в ее идеях, напоминают антигероев, поборников Хаоса, которых сотворил не Бог. Главная героиня Таисья, сравнивается с птицей, жаворонком. Неслучайно в романе упоминается песня жаворонка, которая, как и полагается для сказки, встречается три раза.

Взаимодействие литературы и фольклора в современной поэзии рассмотрела Л.А. Косова в работе «Художественный мир современной коми-пермяцкой поэзии» (2007). В центре внимания исследовательницы оказывается, прежде всего, творчество Ф.С. Истомина. По справедливому замечанию Л.А. Косовой, стихотворения поэта насыщены пословицами и поговорками; одни из них вынесены в название произведений (пьеса «Хоть смейся, хоть плачь»), другие органично вписываются в речь лирического героя: «не бежит вспять вода», «если две головы, одна из них пропади», «посмотрим, кто кого проучит, на горячую золу посадит» [Косова 2007: 25]. Поэт, по мнению ученого, использует народные приметы, которые являются основой многих стихотворений: «последние журавли улетают – к первым снежинкам», «роса на траве – к ведру» [Косова 2007: 26]. Л.А. Косова считает, что фольклор в творчестве Ф.С. Истомина выступает как «код мировоззрения автора, как знак глубинной психологии его поэзии, и как шифр менталитета народа» [Косова 2007: 24].

Л.А. Косова отмечает также, что народное творчество используют и другие писатели. Так, фольклорную семантику имеют образы у А.Ю. Истоминой: «семь ветров, семь дорог, семь ночей» [Косова 2007: 74], у Л.П. Гуляевой: «раненая птица», «птица с перебитым крылом», «одинокое

дерево у дороги», образы «березы, рябины, ивы плакучей» [Косова 2007: 125].

Следует отметить, что Минин также активно использует фольклорные образы и мотивы в своих произведениях. В.В. Пахорукова, анализируя рассказ «Тшыкөтөм свадьба» («Испорченная свадьба»), отмечает его связь с быличкой. Эти былички о несостоявшейся свадьбе приводит на ум ассоциативная память читателя, знакомого с коми-пермяцким фольклором. В фольклорном произведении свадьбу расстраивает колдун (төдісь), в некоторых текстах отмечается момент превращения участников свадебного гуляния в зверей, в частности, волков. Думается упоминание о волках в пейзаже, отражающем внутреннее состояние жениха, не случайно: «волком подывал в каждой щели... Иван долго шел, волоча ноги...». «Ведь Тоинов, по вине которого его собственная свадьба расстроилась, устремляется от людей, поэтому в его сознании шум ветра ассоциируется с волчьим воем. Если предыстория невесты рассказывается автором, то сущность характера жениха раскрывается постепенно, главным образом, через портрет. Вначале описания внешности Ивана Тоинова выявляет верхний, видимый всем, пласт изображаемого, замечание же «о бегающих глазах» жениха становится тем штрихом, который соединяет портретную и психологическую характеристики персонажа» [Пахорукова 2011: 95].

Наблюдения В.В. Пахоруковой позволяют нам специально рассмотреть фольклоризм Минина. Во второй главе мы попытаемся выяснить основные фольклорные образы, проникающие в художественные произведения писателя.

Итак, сделанные нами наблюдения убеждают в том, что

- коми-пермяцкие писатели обращаются к фольклору как к источнику тем, сюжетов, образов, как к арсеналу художественно-изобразительных средств;

- коми-пермяцкая литература интенсивно осваивает такие фольклорные жанры, как предание, сказка, быличка. При этом доминирующими следует признать быличку и предание;

- из форм присутствия фольклора в художественном тексте наиболее частотным оказывается образное заимствование, когда герои быличек, преданий становятся прототипами литературных героев. Самыми популярными среди них оказываются богатыри (Пера-богатырь, Кудым-Ош), а также леший. Данные персонажи являются национальными типами: леший олицетворяет силы, направленные против народа; Пера-богатырь, Кудым-Ош – эстетический идеал, в котором отражены лучшие черты национального характера («правдивость и независимость, ум и ловкость, трудолюбие и смелость»).

ГЛАВА ВТОРАЯ. ФОЛЬКЛОРИЗМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. МИНИНА

Данная глава посвящена изучению фольклорных образов в произведениях Минина. В первом параграфе выявляются черты эпических героев в художественных образах Минина. Указывается, что богатырскими чертами наделяются, прежде всего, положительные герои произведений. Кроме того, устанавливается, что в художественные тексты активно проникают отдельные эпизоды, напоминающие сцены из коми-пермяцких преданий. Во втором параграфе в центре исследовательского внимания оказывается образ лешего. Отмечается, что герой низшей демонологии в прозе коми-пермяцкого писателя представлен в разных ипостасях.

2.1. Образы богатырей в рассказах и повестях И.А. Минина

Богатырь – это эпический герой, обладающий необычайной силой, мужеством, храбростью, использующий свою силу во благо близких и всего народа. Такие герои выступали в качестве защитников родины, а также совершали подвиги патриотического характера. К ним обращались в том случае, когда обычный человек не мог справиться с той или иной задачей, поставленной перед ним. В коми-пермяцком эпосе популярными героями являются Кудым-Ош и Пера-богатырь.

Кудым-Ош – это легендарный богатырь, культурный герой, персонаж коми-пермяцкого национального эпоса. Он был рожден в союзе колдуньи и медведя. «Здоровый, лешак, вырастет, как кам. Глаза у него острые, как у кошки, ночью он видит также хорошо, как днем. Ростом он был в три аршина, сила у него была, как у трех человек, и ум ему был за троих даден. Носил он зимой и летом одежду из собольих шкур, а голова всегда оставалась голою. Мать его звали Пёвсин. Она знала и всячески умела колдовать и бороться со злым врагом. Жил Кудым-Ош долго на разных местах, везде ездил на лыжах самодельных. Он и медведей не боялся. Они

ему родня были, служили ему. Кудым-Ош по коми говорить умел и народу помогал. Звали его Ошем потому, что сильный, дюжий мужик, как медведь был. Когда умер старшина рода, старый князь, избран новым главой рода его сын, Кудым-Ош. Жену нашел себе у вогулов. Кудым-Ош вместе с чудским народом пойдет к Изьюр Горе и выроют там землянки да загородят свое жилище высоким забором. И назовут они свое место Кудым-кар. Народ уважал его за его ум и смелость» [Ожегова 1971: 11-29].

Пера-богатырь – это другой легендарный богатырь, культурный герой, персонаж коми-пермяцкого эпоса. «Жил Пера-богатырь в д. Лупья, в версте пятидесяти повыше нынешнего села Гайны. Жил он небогато, зато сам был очень сильный и могучий. Хоть росту он был и небольшого, да в плечах – сажень шириной. Однажды как-то его сосед устроил помочи: возить бревна – дом построить. Лошадь у Перы дергала-дергала, а воза стронуть с места не смогла. Рассердился Пера. Посмотрел он, подумал, распряг лошадь, сам ухватился за воз и вывез полный бревнами воз на дорогу. Удивились соседи силе Перы. Медведю – и тому не сделать, что Пера сделал. Поесть Пера любил много, за один присест десять фунтов хлеба съедал. Пера живет дома, стреляет да охотится. Позвали его на войну. Богатырь не испугался, увидев солдат, схватился за один угол и выдернул снизу бревно. Схватил то бревно в руки да начал им размахивать. Махнет – и десяток неприятелей валит с ног» [Ожегова 1971: 53-61].

Как видно, в образе богатырей совмещаются сила и доброта, справедливость и ум. Данные качества становятся характерными и для тех героев, которые приобретают сходство с ними. Убедимся в том, что литературные герои Минина имеют подобные черты.

Литературного героя с эпическим сближают, прежде всего, портретные характеристики. В преданиях о Кудым-Оше отмечается его высокий рост и сверхъестественная сила: «Кудымыс вӧлӧма ош кодъ вына... Вӧлӧма мортыт куим аршин сувда, муыс сылӧ вынсӧ да мывкыдсӧ куим мортлісь сетӧма» (Кудым был как медведь сильным... Был человек около трех аршин в высоту,

земля ему силу и характер от трех человек дала) [Ожегова 1971: 27]. Богатырским телосложением, их мощью обладают и герои Минина.

В рассказе «Свадьба панытö» («Перед свадьбой») Иван, как и подобает богатырю, «ыджыт мыгöра, вына и ён» (крупного телосложения, сильный и толстый) [Минин 1964г: 76]. Крепким телосложением обладал и сын Боболь Вани, который прямо ассоциируется с эпическим героем: «Пырис сiя керкуö ыджыт мыгöра, ён, солдатскöй паськöма, погоннэза – настоящöй молодец, богатырь» (Зашел он домой крепкого телосложения, толстый, в солдатской одежде, с погонами – настоящий молодец, богатырь) [Минин 1972: 92].

Следует заметить, что Минин в своих произведениях включает героев разных профессий. Некоторые из них, как и богатыри, должны обладать силой и выносливостью. Так, богатырские черты приобретает Сергей Петрович из повести «Ва увтын пос» («Мост под водой»). Он представлен так: «вöлі ыджыт мыгöра да ён» (был крупного телосложения и толстый) [Минин 1970: 30]. Сергей Петрович – один из тех, кто пришел исследовать болото Перкояга. Его работа требует большой выдержки, силы. Возможно, из-за этого писатель наделяет его такими чертами. Прямо ассоциируется с богатырем и милиционер Наган Наганыч из указанной повести: «паськыт мороса богатырь» (богатырь с широкой грудью) [Минин 1970: 75]. Автор использует слово «богатырь» для того, чтобы подчеркнуть исключительные внешние данные героя. Кроме того, функции богатырей и должностные обязанности милиционера совпадают: и тот и другой защищают слабых, и тот и другой борются за справедливость.

Согласно фольклорным описаниям, Пера-богатырь «в плечах сажень шириной» [Ожегова 1971: 55]. Данная деталь повторяется в характеристиках многих литературных героев. В портрете Афони (из повести «Кыдз шыннiлö Апостол» («Как смеется Апостол»)) читаем: «Опонько паськыт пельпоннэзнас трекнитiс» (Афонька широкими плечами встряхнул) [Минин 1988а: 72]. Широкие плечи у героя ассоциируются, прежде всего, с силой. Не случайно, как кажется, жители деревни про него говорят: «Быдмис детина,

нюжаліс, кыздз кайскöй пожум» (Вырос дитина, вытянулся, как кайская сосна) [Минин 1988а: 83]. Герой ассоциируется с сосной, а сосна, как известно, – это символ силы, а также непоколебимости, которая характерна для богатырей. О том, что Афоня, подобно богатырям, имел крепкое телосложением, свидетельствует ситуация, произошедшая с ним в столовой: «казявтöг сидзис кокнас стул бердö и сiя, эта сьöкыт стул-креслоыс, öштiс равновесиесö да кыздз брякнитчас дждж вылас. Быдöс стеназз дрöбалiсö, öшын стеклозз триньгисö» (случайно задел ногой стул и он, это тяжелое стул-кресло, потеряло равновесие и как упадет на пол. Все стены задрожали, окна зазвенели) [Минин 1988а: 117].

Однако стоит заметить, что Афоню Гаврил Фокич не раз называет лешим: «Зонкаыс тэ вына, кыздз лешакпян, виднöй» (Парень ты сильный, как дитя лешего, видный) [Минин 1988а: 96]; «Но, лешакпян! Да тэ, ош мыгöр, этадз миянлiсь быдöс мебельсö паздан» (Ну, дитя лешего! Да ты, медвежья туша, так всю нашу мебель сломаешь) [Минин 1988а: 117]. Тем не менее, слово леший здесь применяется только в качестве внешней характеристики героя, чтобы подчеркнуть его сверхъестественную силу. Не случайно вместе со словом лешакпян применяется и словосочетание медвежья туша, указывающая на связь с богатырем.

Примечательно, что портретными характеристиками эпических персонажей могут наделяться и отрицательные герои. В этом случае речь идет только о внешних сходствах героев. Однако и эта ассоциация по мере развития сюжета разрушаются из-за плохих поступков, совершаемых литературными героями. Например, в рассказе «Свадьба панытö» («Перед свадьбой») писатель акцентирует внимание на внешности Ивана, подчеркивает его красоту, в том числе и наделяя его характеристиками фольклорного персонажа (уже отмеченных выше). В конце повести открывается его настоящая сущность: Иван – вор, поэтому внимание фокусируется уже не на портрете, а на внутренних его качествах, несвойственных богатырю. Таким героем, то приобретающим, то

утрачивающим сходство с эпическим героем, является и Митюбаран в повести «Паныт уйис төлiсь» («Навстречу плыла луна»). Он на первый взгляд имеет внешнее сходство с эпическим героем: «крепыт пельпоннэза и паськыт корпоса» (с сильными плечами и с широкой грудью) [Минин 1968: 12]. Тем не менее, вместо того, чтобы помогать людям, доставив горох для фронта, он его уничтожает. На первый план выходит его воровство, нехарактерное для богатыря.

Известно, что Пера-богатырь, желая проявить свою мощь, поднимал бревно и вертел им как поленом: «взял пятисаженное бревно и ну вертеть им как поленом» [Ожегова 1971: 55]. Герои Минина не уступают своему эпическому прототипу и обращаются с бревном не менее ловко. В повести «Боболь Ванялөн шапка» («Шапка Боболь Вани») Ваня играючи поднимал тяжелое бревно, казавшееся ему только жердью. О том, что Боболь Ваня легко выполняет тяжелую работу, говорится в ряде сцен. Приведем несколько примеров: «Боболь Ваня дзик эз и кыв сьöкытсö: дундöтчыштiс невна и – оп! – кер концецыс лоис сруб вылын», «Эта разь кер? Эта – потш!» (Боболь Ваня как будто и не чувствовал тяжести: поднатужился немножко и – оп! – конец бревна оказался на срубе; Это разве бревно? Это – жердь!) [Минин 1972: 66]; «Ваня уджалiс перыта, дзик не уджалiс, а орсiс чернас» (Ваня работал быстро, как будто не работал, а играл топором) [Минин 1972: 67]. Как видно, Боболь Ваня, подобно богатырям, любит трудиться и делает это охотно, с легкостью.

Благодаря своей силе герой начинает ассоциироваться у окружающих с медведем: «Лöг сiя вöлi, ранитöм ош вылö вачкисис»; «Боболь Ваня, кыздз ош, мышкыртчöмөн пырö мастерскöйö»; «Ваня дыр пукалiс аслас избушкаын, кыздз берлогаын ош» (Злой он был, на раненого медведя похож; Боболь Ваня, как медведь, прогнувшись заходит в мастерскую; Ваня долго сидел в своей избушке, как медведь в берлоге) [Минин 1972: 125-126, 153]. Родство Боболь Вани с медведем дает основание для сближения его с другим, не менее известным, чем Пера-богатырь, эпическим героем коми-

пермяков – Кудым-Ошем. Мифический Кудым-Ош – полумедведь, получеловек. Он был рожден в союзе колдуньи и медведя, поэтому получил такое имя и большую силу. Как видно, данные черты учитывал и Минин при характеристике своего героя.

Повесть Минина «Боболь Ванялӧн шапка» («Шапка Боболь Вани») интересна также тем, что главный герой приобретает черты сразу двух разных фольклорных образов: богатырей и лешего. Автор прямо называет своего героя «Боболь Ваня – богатырь, лешак». Эти имена он получил, потому что, с одной стороны, имел крепкое телосложение, обладал силой: «крепыт мыгӧра да вына» (с крепким туловищем и сильный), а с другой – имел такую же, как у мифологического персонажа, длинную бороду «тош гӧгви» (борода до пупка). С одной стороны, автор подчеркивал, что все предметы, окружающие его, были такими же огромными, как и он сам: «радейтис сия быд торсӧ керны ас сьӧрті: крепытӧ, ыджытӧ, ёнӧ. Ас сьӧртиас сия и баня кӧркӧ сувтӧтис, сы ыждаӧ камгис – мукӧд хозяйнлӧн керкуыс учӧтжык» (любил он все предметы делать по себе: крепкие, большие, толстые. По себе он и баню когда-то поставил, такую большую построил – у некоторого хозяина дом поменьше будет) [Минин 1972: 129], а с другой – прямо уподоблял своего героя лешему, замечая, что «если му вылын эм лешак, и олӧ сия кытӧнкӧ матын, миян ладорын, то эта некин мӧдік, кыдз ачыс Иван Петрович Картовкин, или кыдз сійӧ шуӧны Тубызын – Боболь Ваня» (если на земле есть леший, и живет он где-то недалеко, в нашей стороне, то это никто другой, как сам Иван Петрович Картовкин, или как его называют в Тубызе – Боболь Ваня) [Минин 1972: 63].

В повести Минина «Кыдз шыннӧлӧ Апостол» («Как смеется Апостол») невероятной силой обладает старик Кушман Егор. Он прямо ассоциируется с Перой. Как и Пера, так и Егор с легкостью поднимает тяжелые предметы. Если в преданиях богатырь играючи поднимал пятисаженное бревно, то в рассказе литературный герой нес пятипудовую вязанку: «Джын час сьӧрна, нель вязанка кулис, радуйтчис – вит пуд лоас, поди! Часӧт кут да лыдды:

вит пуд – это восемьдесят килограмм. Егор нельнан вязанкасõ кокнита чапкис пельпон вылас» (За полчаса четыре вязанки содрал, радовался – пять пудов, может, будет! Сейчас возьми да посчитай: пять пудов – это восемьдесят килограмм. Егор четыре вязанки легко подбросил на плечо) [Минин 1988а: 45]. Неимоверная сила Кушман Егора подчеркивается и при других обстоятельствах. Так, несмотря на возраст, Егор без всяких затруднений может разорвать проволоку: «Сет сылõ воля, дак телеграфнõй проволока только гыч керас» (Дай ему волю, дак телеграфную проволоку только так разорвет) [Минин 1988а: 44]. Как видно, сходство с эпическим героем обнаруживается в самых мельчайших деталях.

Эпизод, связанный с поднятием Перой бревен, обнаруживает себя и в рассказе «Шоныт кеписсез» («Теплые варежки»). В данном произведении Минин творчески обыгрывает указанную сцену. Если в предании богатырь поднимает бревна, то в художественном тексте Николай с легкостью поднимает девушку: «И сюра тõлсь адззылїс, кыз детинаыс лõбтїс вына киззõн учõтик нылõс...» (И рогатая луна видела, как парень поднял сильными руками маленькую девушку...) [Минин 1964д: 71]. Важно то, что и в фольклорном произведении, и в литературном произведении внимание акцентируется на силе героя. В предании сила подчеркивается при выполнении тяжелой работы, которая посильна не каждому. В рассказе при поднятии девушки ничего удивительного, конечно, нет, однако Минин обращает внимание читателя на силу рук, используя качественное прилагательное – «вына» (сильный).

При характеристике богатырей внимание акцентируется также на их пище. Исследователи подчеркивают, что «аппетит у Перы богатырский: он сразу съедал по пять фунтов хлеба, по десяти сельниц пельменей, обычной меркой вина, выпиваемого Перой, была целая четверть» [Ожегова 1971: 55]. Богатырский аппетит наблюдается и у Боболь Вани: «Ачыс сё гардїс и гардїс, бытьтõ быдса год тшыгйõн олõма. Перво марскис-сёйис джын бекõр капуста, нбылыштїс кынымкõ лук, сэсса вырскис кык бекõр шыд» (Сам все кушал и

кушал, как будто целый год без еды жил. Сначала скушал пол тарелки капусты, проглотил несколько луковиц, затем съел две тарелки супа) [Минин 1972: 73]. Как видим, у литературного героя, как и у Перы, хороший аппетит. Автор не случайно показывает в произведении обед героя, поскольку именно еда является источником силы. Для настоящего богатыря пища – важная часть в жизни. Следует заметить, что в повести герой употребляет меньше пищи, чем в фольклорном тексте. В литературном произведении отсутствует гиперболизация, присущая произведениям устного народного творчества. Тем самым художественный текст становится наиболее близким к реальной жизни, к реальной ситуации, так как литература, так или иначе, призвана отражать реальность. Тем не менее, сам эпизод с пищей в повести связывается с эпизодом из предания и не отменяет сходства с эпическим героем.

В коми-пермяцких преданиях также имеются упоминания о женщинах-богатырях, которые обладают сверхъестественными физическими данными: силой, высоким ростом. Например, в фольклорном произведении «Матрена-силачка» написано: «Ачыс кватитіс додьсö да шентіс сійö сараяс. Сэсся кутіс мöдсö – тожö чапкис. И куимöтсö сэтчин жö лэбтис» (Сама схватила сани да бросила их в сени. Потом взяла другие – тоже бросила. И третьи туда же подняла) [Климов 1990: 247]. В рассказе «Свадьба панытö» («Перед свадьбой») черты богатырши приобретает жена Афони. При этом писатель фокусирует внимание на ее недюжинной силе, подчеркивая, что она сильнее даже богатыря: «Опоньлön иньыс вон богатырься вынажык» (У Афони жена вон сильней богатыря) [Минин 1964г: 84].

Еще одна героиня, Фаина, из рассказа «Макарихалön счастье» («Счастье Макарихи») имеет внешнее сходство с богатырями, имеющими высокий рост: «Вöлі нывкаыс ыджыт мыгöра» (Была девушка крупного телосложения) [Минин 1964а: 99]. Указывается и ее сверхъестественная сила, отсутствующая у деревенских мужчин, которые боялись ее: «удерлун рытнас шофёр Никонов Петька пыралöм поварихаыс дынö... шофёр öні син увтас

новйõtõ кидолонь пасьта лõз пятно» (позавчера вечером водитель Никонов Петька заходил к поварихе... водитель теперь под глазом носит с размером в ладонь синее пятно) [Минин 1964а: 101-102].

Важно заметить, что женщина-богатырша применяет свои силы и для того, чтобы наказать обидчиков. Так, к примеру, Матрена-силачка с легкостью разбирает постройку: «Лõгасис савдатка... Джын картасõ разис Матрёна, новйис гортас» (Разозлилась солдатка... Половину хлева разобрала Матрена, растаскала домой) [Климов 1990: 248]. В данном эпизоде речь идет о том, что свекор решает отделить Матрену, строит ей маленький дом, а хлев поставить забывает. Матрена обижается на свекра и разбирает его постройку. Примечательно, что в преданиях о Пере-богатыре также имеется эпизод, когда он, разозлившись, поднимает угол дома и кладет туда варежки обидчиков. Важно то, что и Матрена, и Пера способны поднимать тяжести, что и Матрена, и Пера не терпят надругательств и насмешек над собой, что и Матрена, и Пера наказывают своих обидчиков. По той же логике действуют и героини Минина. Так, Фаина, обладая богатырской силой, без особого труда расправляется с вредителями.

Силой наделяются и другие героини произведений Минина. Хотя в их описании и отсутствуют прямые параллели с эпическими героями, тем не менее, память фольклорного жанра остается. Например, Ольга Фомина в рассказе «Макарихалõн счастье» («Счастье Макарихи») представлена достаточно сильной не только физически, но и внутренние качества позволяют ей быть стойкой. Ольга Фомина – это бригадирша в небольшой деревне. Не случайно, как кажется, автор наделяет свою героиню такой должностью. Как известно, бригадиры – это люди, умеющие быстро реагировать на ту или иную сложившуюся ситуацию, с твердым характером, обладающие организаторскими способностями. Коми-пермяцкие богатыри – культурные герои, сильные характером и духом. Они не раз отстаивали свои земли, убеждали народ в правильности своего выбора. К примеру, Кудым-Ош отстаивал перед народом место для кар-городища, уничтожив веками

существующий обряд на горе, поставив на нем новое жилище для народа. Ольга Фомина также отстаивает правильность решения. В эпизоде, когда женщины в деревне устроили бунт, она смогла их утихомирить силой слова.

В повести «Боболь Ванялӧн шапка» («Шапка Боболь Вани») также есть женщина, которая приобретает богатырские черты. Как известно, любой богатырь имеет умелые руки и работает хорошо. Данной чертой обладает и героиня Минина: «Уджаліс сія талун, кызд ош. Боболь Ваника ӧтік ведра лэбтас, а Ӗкуль эта кадӧ нельӧтӧ ни межа сайӧ пӧрӧтӧ» (Работала она сегодня как медведь. Боболь Ваниха одно ведро поднимет, а Акулина в это время уже четвертое ведро за межой выливает) [Минин 1972: 112]. Примечательно, что родственница Боболь Вани приобретает черты другого не менее известного коми-пермяцкого богатыря – Кудым-Оша. Как видим, сравнение прямое – «кызд ош» (как медведь). Наши наблюдения свидетельствуют о том, что женские персонажи Минина также сильны, как и мужские образы.

Подведем итоги:

- Минин активно использует материал преданий для создания литературных образов, в которых легко можно найти черты эпических героев – Кудым-Оша, Перы-богатыря;

- литературного героя с эпическим сближают, прежде всего, портретные характеристики (богатырское телосложение, медвежья сила), а также внутренние качества («правдивость и независимость, ум и ловкость, трудолюбие и смелость»). Данные черты выявляются как у мужских образов, так и у женских персонажей.

2.2. Образ лешего в рассказах и повестях И.А. Минина

Данный параграф посвящен изучению образа лешего в прозе Минина. Отмечается, что леший – один из самых популярных героев быличек. Устанавливается, что образ лешего, становясь игрой воображения писателя, входит в произведение как персонаж, что чертами лешего также наделяется

литературный герой, так или иначе напоминающий его. Подчеркивается, что сходство с персонажем устного народного творчества происходит и по портретным характеристикам, и по внутренним качествам.

2.2.1. Образ лешего как прототипа

В прозаических произведениях Минина мы встречаем немало цитат с употреблением слова леший. На наш взгляд, такая популярность данного героя в прозе коми-пермяцкого писателя обусловлена, с одной стороны, мировоззрением коми-пермяков, считающих, что у каждого места имеется свой хозяин: для дома – домовой, для воды – водяной, для леса – леший; с другой стороны, верой самого писателя в разные мифологические существа, в том числе и лешего. Леший – наиболее популярный герой быличек, поскольку лес раньше и до сих пор для коми-пермяцкого народа имеет большое значение. Общеизвестно, что название лесного относится к табуированным словам. Тем не менее, Минин активно использует данную лексику в своих произведениях.

Т.Г. Голева в монографии отмечает, что «леший – вездесущий мифологический персонаж основного пространства жизнедеятельности человека и выступает "посредником" между "силами" неба и земли. Лесной дух в представлениях коми-пермяков имеет разные ипостаси. Во-первых, он может предстать в виде природных явлений и объектов. Во-вторых, лесной описывается в зооморфном и орнитоморфном облике (ворон, заяц, собака). В-третьих, это антропоморфный вид персонажа» [Голева 2011: 152–153]. В произведениях Минина встречается, прежде всего, антропоморфный вид.

В прозе Минина леший является чаще всего прототипом литературного героя. Как правило, чертами мифологического персонажа наделяются отрицательные герои рассказов и повестей. Следует заметить, что и в быличках леший совершает в большей степени плохие поступки: блуждает людей, которые проникают на его территорию; забирает людей к себе для

работы; крадет домашних животных и др. Приведем примеры: «Кытшöмкö годö вөр кöзяиныс мөссэзнымöс аслас йөрö йөртлiс» (В каком-то году лесной хозяин наших коров в свой загон загонял) [Климов 1990: 313]; «Кокорник деревняись лешöйыс зонкаöс вöли гусявлöма» (Из деревни Кокорник леший мальчика похищал) [Климов 1990: 312]. Исследователи подтверждают тот факт, что леший часто водит людей по лесу: «В лесу коми-пермяки выделяют зоны активного проявления потусторонней силы. Например, места, в которых легко заблудиться: "леший водит", "лешак завел"» [Голева 2011: 41]. Этими и другими качествами наделяются герои Минина. Убедимся в этом.

Словом леший герои Минина характеризуют друг друга, прежде всего, дают оценку совершенным ими поступкам. Если герой сделал плохой поступок, то автор обращается к фольклорному заимствованию. В некоторых случаях литературные герои могут ошибаться в характеристике тех или иных действий героев. В этом случае слово леший применяется и к положительному герою. Так, в рассказе «Макарихалöн счастье» («Счастье Макарихи») пускают слух о том, что Фаина родила ребенка от неизвестного мужчины, бросившего ее: «А сэсся кага кытшöмкö лешаксянь чужтöма да детдомö сетöм» (А потом ребенка родила от какого-то лешего и в детдом отдала) [Минин 1964а: 111]. В этом эпизоде оценивается пока поступок мужчины. Он, не приняв ребенка, ассоциируется у читателя и писателя с лешим.

Однако без внимания не остается и тот факт, что Фаина родила его вне брака. Как известно, такое событие общество не принимало, поведение женщины вызывало осуждение. В рассказе Минина оно представлено с помощью слова леший. Тем не менее, не только рождение внебрачного ребенка оказывается в центре внимания, но и тот факт, что она оставила его в детдоме, что она обманывала нового возлюбленного. Такое качество как обман выходит на первый план. В этом ничего удивительного, конечно, нет. Известно, что одной из черт характера лешего является то, что он способен обмануть человека, вода его по лесу не один день. Афоня осуждает Фаину,

которая, по его мнению, имеет сходство с демонологическим персонажем: «Тэ, тэ лешакыс вёлмат! Мыля менё бёбётлін? Кинсянь кагасё вайёмат? Кытён сія?» (Ты, ты лешим был! Почему меня обманывала? От кого ребенка родила? Где он?) [Минин 1964а: 111]. Хотя и героиня обвиняется в рассказе, она не виновна. Слово леший применяли к ней по ошибке. Мать Афони желала для своего сына лучшей жены, поэтому пустила нелепый слух по деревне. Афоня поверил слухам, а не самой Фаине. По мере развития сюжета ситуация меняется в лучшую сторону. Фаина, являясь положительным героем, утрачивает признаки лешего, реабилитируется перед читателем и своим возлюбленным.

В рассказе «Оча морос» («Лицом к лицу») перед нами предстают два героя – Виктор Гыров и Сергей Комолов. Виктор Гыров, был горделивым человеком, любил похвастаться, всегда думал о личной выгоде. Автор дает ему такой портрет: «Топытик... пукалё веськыта, оз копырась... юр вылас пуктёма модной шапка... голясё кыза каттьёма гёрд шарфён... басок хромовой сапоггез» (Небольшой... сидит прямо, не сутулится... на голову надел модную шапку... шею не один раз обмотал красным шарфом... красивые хромовые сапоги) [Минин 1964в: 26]. Сергей Комолов – работающий человек, трудился во благо коллективу. Минин его характеризует следующим образом: «Сія, кёда муно одзас, паськыт пельпоннэза, ён чужёмыс биён оэйё» (Тот, который идет впереди, широкоплечий, толстое лицо огнем горит) [Минин 1964в: 26]. По данным портретам уже очевидно противопоставление героев. Их отправили в далекий поселок доставить оттуда бензин для сплава леса. Цель у каждого из героев, с одной стороны, была одна и та же (привезти бензин), с другой стороны, каждый герой преследовал свои задачи. Так, Сергей Комолов хотел любым способом выполнить приказ председателя, спасти лесопункт. Виктор Гыров (с точностью до наоборот) хотел подвести председателя для того, чтобы оказаться на его месте. Сергей, являясь, прежде всего советским человеком, которому присуща честность, правдивость, целеустремленность, во что бы то

ни стало, хочет выполнить поставленную перед ним задачу. Виктор понимает, что Сергей может нарушить его планы, поэтому во внутреннем монологе называет его лешим: «Иньдасё жё сэтшём лешаксё. Дзугас быдёс планнэз...» (Отправят же такого лешего. Испортит все планы...) [Минин 1964в: 44]. Однако читатель прекрасно понимает, кто действительно вбирает в себя черты лешего. Виктор, замышляющий подставить Сергея и председателя в любой удачной для него ситуации, в большей степени своим поведением и поступками похож на мифологического персонажа. А Сергей, выступающий за процветание лесопункта, отстаивающий интересы председателя оказывается похожим на богатыря, чем на лешего. Не случайно и в его характеристике подчеркиваются широкие плечи, крепкое телосложение.

Путь в далекий поселок был достаточно трудным, в некоторых случаях даже опасным. Опасность связана с весенними дорогами, на которых снег еще до конца не растаял, а в канавах стоит мутная вода и затрудняет продвижение лошадей. Дорога была настолько плохой, что у Минина она стала ассоциироваться с проделками лешего: «А ямщикесё зэгйё сідз, бытътё кытшёмкё нечистой вын медасьёма лешакыслё пыркётны нылісь коскаэзнысё» (А ямщиков трясет так, как будто какая-то нечистая сила нанялась лешему вытрясти у них кости) [Минин 1964в: 26]. Как видно, приметы лешего приобретают не только литературные герои, но и смертельно опасные места. В таких эпизодах актуализируется мысль о том, что леший несет людям зло, препятствует их прохождению по имеющемуся пути.

В рассказе «Кыдз менё колдунняён шуисё» («Как меня колдуньей называли») оценивается работа бригадира, Софрона Порсьюрова. С момента его начала работы не было сделано ничего хорошего. Все, что имелось в колхозе, он довел до ужасного состояния. Аграфена Петровна осудила бригадира за плохое отношение к чужому имуществу и назвала его лешим: «Ах тэ, стыдтём рожа! Да пиньовт тэ ассит пустой гырничтё, лешак!» (Ах ты,

бесстыжая рожа! Да сверни ты свой пустой горшок, леший!) [Минин 1997в: 100]. Оказывается, что Софрон и, живя в городе, вел себя не лучшим образом. Не мог наладить контакт с людьми и все время с ними ругался, за что и был выгнан с работы, и принял решение переехать в деревню. Здесь его житьё также не сложилось. На наш взгляд, обращение к фольклорному образу становится очевидным. О том, что герой похож на лешего не только своими поступками, но и портретом, свидетельствует следующее описание: «Ён, кыз, рожаяс биён öзйö» (Толстый, упитанный, лицо огнем горит) [Минин 1997в: 99]. Лицо председателя приобретает в художественном тексте красный цвет. В быличках отмечалось, что у лешего глаза красные. Красный цвет, как известно, сигнализирует об опасности. Тем самым писатель еще раз демонстрирует враждебность героя к окружающим его людям.

В повести «Кыз шиннялö Апостол» («Как смеется Апостол») черты лешего имеет Мисаил. Данный герой ассоциируется с лешим и по внешним признакам, и по внутренним характеристикам. Портретное сходство становится сразу очевидным, когда читатель узнает его род занятий. Мисаил был священником. Известно, что они носят длинную бороду. Длинная борода характерна и для лешего. Она является одной из устойчивых его примет. Не случайно автор прямо называет своего героя лешим, обращая внимание на его бороду: «Коліс жö тоша лешаклö петны туй дорас как раз сэк, көр лэбзис сэті Юрий Андреевич» (Надо же было бородатому лешему выйти на дорогу как раз в то время, когда летел там Юрий Андреевич) [Минин 1988а: 138]. Следует заметить, что в рассказах и повестях Минина религиозная тема не раз становится в центре внимания читателей. Автор иронически относится к ней. В художественных текстах немало эпизодов, высмеивающих поведение священнослужителей. Главные герои часто стоят против религии, осуждают тех, кто продолжает верить в нее. В повести Юрий Андреевич причисляет их к нечистым на руку людям, не доверяет им. Лешего люди тоже воспринимали как злого духа. И того и другого героя люди боялись, так как они могли нанести им вред. Не случайно, как кажется, появившийся на его

пути священник вызвал у него такие ассоциации. Герой прямо называет Мисаила лешим, показывая тем самым отрицательное отношение к священнику: «"Лешак тэ!" – думанас паныт горётчис Юрий Андреевич» («Лешак ты!» – про себя сказал Юрий Андреевич) [Минин 1988а: 139]. Юрий Андреевич характеризует не только отца Мисаила, но и самого себя, используя слово леший. Юрий Андреевич винит себя в том, что много нехорошего наговорил своему попутчику, тем самым обидел его: «Сія нельки жалеитыштіс пассажирсё, видіс асьсё ошнямырён и лешакпиянён» (Он даже пожалел пассажира, ругал себя медведем, ребенком лешего) [Минин 1988а: 143].

Если в повести «Кыдз шынняялө Апостол» («Как смеется Апостол») представлена автохарактеристика героя, то в другой повести «Паныт уйис тёлісь» («Навстречу плыла луна») поведение отрицательного героя заставляет других героев применять к нему слово лешакпиян. Данную характеристику получает Митюбаран. Напомним, что сюжет повести образует мотив дороги. Двух подростков председатель колхоза отправляет в город для того, чтобы они доставили горох, предназначенный фронту. Митюбаран был старше своего попутчика Степанко. Он уже ездил в город, он уже знал дорогу. Митюбаран должен был помогать Степанко ее преодолеть. Однако он бросает его на полпути и к тому же совершает вредительство: съедает горох и заливает его водой, чтобы тот не потерял вес. Митюбаран, являясь более опытным обозчиком, не смог выполнить поставленную задачу. Митюбаран не просто подвел колхоз и председателя, он оставил фронт без еды. Митюбаран был эгоистичным героем, он думал лишь о своей выгоде и за это понес наказание. За нанесение ущерба весовщик называет его лешакпиян, что, на наш взгляд, вполне оправданно: «Но менё он бёбёт. Кутім, лешакпиянёс» (Но меня не обманешь. Поймали, дитя лешего) [Минин 1968: 127]. Согласно быличкам, леший также способен воровать у людей скот, детей, женщин. Таким образом, сходство Митюбарана с лешим происходит по внутренним характеристикам.

За воровство (и хулиганство) лешим называют и другого героя из произведения «Чекистлөн сьолём» («Сердце чекиста»). Из рассказов Бориса Тимофеевича Боталова читатель узнает о появившемся в деревне Пыдосово разбойнике. Он, как и леший, совершает плохие поступки: поджигает копну сена, крадет хлеб, домашнее масло и т.д. Известно, что леший уводит домашний скот. В данном произведении разбойник также попытался украсть овечку. Однако его вовремя нашли: «А сiя, лешакыт, дзэбсисьём гидокö, баляыс дынö, ыжмалö» (А он, леший, спрятался в конюшне, к овечке, балуется) [Минин 1988б: 22]. Действия бандита приобретают сходство с действиями мифологического персонажа, поэтому Борис Тимофеевич Боталов справедливо называет его лешим.

В рассказах и повестях Минина проявляются и внешние черты лешего. В быличках отмечается, что леший бывает выше деревьев. Так и в повести «Паныт уйис тöлiсь» («Навстречу плыла луна») внимание акцентируется на росте героя. Митюбаран рассказывает Степанко случай, произошедший с ним в военкомате. Там ему пришлось бороться с высоким человеком, напоминающим лешего: «Ыджыт – лешак. Месся кыкись кузьжык» (Большой – леший. Больше меня в два раза) [Минин 1968: 14].

С лешим ассоциируется и немец, о котором идет речь в повести «Паныт уйис тöлiсь» («Навстречу плыла луна»). С одной стороны, он – леший, поскольку связывается с войной, с гибелью мирных жителей, то есть выступает против человека. С другой стороны, он – леший, так как имеет внешнее сходство с мифологическим персонажем: «Здоровöй вöли лешачина, да мый сыйсь повнытö?» (Здоровый был лешачина, да что его бояться?) [Минин 1968: 97].

Портретное сходство с лешим имеет героиня из повести «Кыдз шыннялö Апостол» («Как смеется Апостол»). Во-первых, за фантастическую силу жену Егора называют лешачихой: «Старуха сiя вына, кык-куим пуд нöбöтас горб вылас. Не весь жö томсянь Лешачихаөн сiйö шуöны» (Старуха она сильная, два-три пуда унесет на спине. Не зря же с молодости ее

Лешачихой зовут) [Минин 1988а: 45]. Во-вторых, она, по мнению жителей, обладает сверхъестественными способностями, поэтому, как утверждают герои, имеет прямое сходство с мифологическим персонажем: «Неохота Лешачихалö бадь нин кульны, вот и лэдзис ме вылö порча да шог, ассис мужиксö эз жалейт! Ах, ах, мөдöра кучик, но жö Лешачиха!» (Неохота Лешачихе кору ивы драть, вот и пустила на меня порчу да болезнь, своего мужика не пожалела! Ах, ах, вывернутая наизнанку кожа, ну и Лешачиха!) [Минин 1988а: 47]. По мнению мужа, лешачиха она из-за того, что обладает большой силой, нехарактерной для женщин. В связи с этим стала уподобляться демонологическому персонажу.

В повести «Öтiк лун и öтiк ой» («Один день и одна ночь») с лешим ассоциируется лесник. В образе лешего его видит Максим: «Таёжной кöин, лешак» (Таежный волк, леший) [Минин 1982: 206]. Лесник Кузьма Кузьмич, призванный охранять лесной рай, оказывается расхитителем лесных богатств, человеком корыстным, ради наживы готовым на любую подлость. Он приобретает сходство с мифологическим персонажем по внутренним качествам. Он «лешачит» в лесу едва ли не в буквальном смысле слова. Более того, лесник – единственный в повести отрицательный персонаж (в итоге его снимают с должности, односельчане фактически изгоняют его из деревни, не принимая в колхоз).

Герой повести «Кыдз шыннялö Апостол» («Как смеется Апостол») Мартын Чивера лешим называет человека, попытавшегося украсть его сено: «Эстөн ойнас лешак тай ыжмалöма!» (Здесь ночью, оказывается, леший баловался!) [Минин 1988а: 153]. Герой поставил капканы к своему стогу, чтоб поймать зайцев. Однако утром он увидел совершенно другую картину: в капкан попался не заяц, а часть куртки.

Интересным представляется связь былички и художественного произведения в рассказе «Ойся цветтэз» («Ночные цветы»). В быличках отмечается, что леший крадет людей для работы: «Этö вöрись инькаыс сiйö нуötöма. Батi пыртiс гортас да работнича туйö и видзö» (Это лесная женщина

ее увела. Может, завела домой да в работницах и держит) [Климов 1990: 316]. В рассказе Минина героя в маленьком возрасте отдают в чужие руки, где ему приходилось работать не покладая рук: с пяти лет Митя боронил, с десяти лет пахал, а с двенадцати лет присматривал за лошадьми. Еще в маленьком возрасте у Мити умерла мама. После ее смерти отец женился вновь, а его отдал на воспитание богатому человеку (Афоне). Жизнь в доме Афони ассоциируется у героя с жизнью у лешего: «Ох, лешак! Кыдз сія менё быдтіс!» (Ох, леший! Как он меня растил!) [Минин 1964б: 7].

Одним из ярких примеров образного заимствования становится повесть «Ва увтын пос» («Мост под водой»). Центральным героем данного произведения является Селиверст Гаврилович Пономарев, известный среди жителей деревни как Пельтём Селько (Безухий Селько). Пельтём Селько представляет собой антигероя, воплощающего зло, направленное против положительных персонажей повести. Для усиления его отрицательных черт поведения, поступков Минин наделяет его характерными признаками лешего.

Прежде всего, обратимся к портрету героя. Как в фольклорных текстах, так и в художественном произведении в центре внимания оказываются глаза и борода персонажа. Устойчивым является представление о длинной бороде героя. В повести Минина приметы лешего приобретает Пельтём Селько. Он оброс волосами, вызывает страх у всех, кто встречается с ним: «Аскодя вöлі старикыс. Юрсиыс гöрд, кыдз шонді, тошыс гöгви. И тожö гöрд, кыдз бикыв. Но мый главнöйыс, дак этö – синнэс. Лэчытöсь, шучкöп бытшкöны, кöр дзарнитас тэ вылö <...> Только колдуннэзлön да лешаккезлön пö овлöны сэтшöм синнэс» (Своеобразный был старик. Волосы красные, как солнце, борода до пупка. И тоже красная, как пламя. Но что главное, дак это – глаза. Острые, насквозь пронизывают, когда посмотрит на тебя <...> Только у колдунов да леших, говорят, такие глаза бывают) [Минин 1970: 14]. Не случайным является и то, что борода и волосы приобретают в художественном тексте красный цвет. Красный цвет, как уже было замечено,

сигнализирует об опасности. Тем самым писатель еще раз демонстрирует враждебность героя к окружающим его людям.

В поведении Пельтõм Селько также обнаруживаются приметы лешего. Общеизвестно, что леший является хозяином леса. Как фольклорный герой, так и Пельтõм Селько способен водить людей по лесу. Об этом в частности свидетельствуют рассказы героев повести. Так, например, только что пришедшие изыскатели с сожалением отмечают: «Бõбõтис миянõс лешакыс, кызд учõтик кагаоккезõс, корсис проводникõн, туй мõдис мыччавны и лешки-вошки бõбõтис. <...> адззывлытõм лешак» (Обманул нас леший, как маленьких детей, напросился проводником, дорогу хотел показать и обманул. <...>невиданный леший) [Минин 1970: 82]. Старушка Аграфена, жительница деревни Перкояг, в которой разворачиваются основные действия повести, поведение героя объясняет следующим образом: «Но деревняын бõра некõр оз шатлась, се кытõнкõ вõрын "лешачитõ", кызд баитис õтпыр Аграфена баб. Этõ, пожалуй, и буржык, мед лешачитõ. Кõть челядсьõ аслас тошõн да синнзõн оз повзõтлы» (Но в деревне опять никогда не шатается, все где-то в лесу "лешачит", как говорила однажды Аграфена бабушка. Это, пожалуй, и лучше, пусть лешачит. Хоть детей своей бородой да глазами не пугает) [Минин 1970: 14]. В данном эпизоде подчеркивается, что отрицательные действия героя, направленные против жителей деревни, локализованы в одном месте – в лесу. Примечательно и то, что для характеристики его поступков применяется глагол «лешачить» (производное от слова леший), что значит «бродить в лесу и совершать плохие дела». Известно, что писатель наделяет героя данной чертой для того, чтобы тот смог скрыть имеющуюся дорогу на болото, не допустить туда прихода людей.

Следует заметить, что в художественных текстах Минина леший является не только прототипом литературных героев, но и включается как полноправный персонаж. Рассмотрим данную особенность более подробно.

2.2.2. Образ лешего как литературного героя

Прежде всего, обратимся к описанию места проживания лешего. В коми-пермяцких быличках они называются лешачьими. По мнению исследователей, «знаком лесного считается дым, регулярно поднимающийся в лесу, на болоте или холме. Предполагается, что именно в этих местах находится его жилище» [Голева 2011: 157]. В повести «Ва увтын пос» («Мост под водой») приметы лешачьего топоса приобретает болото. Болото – это место, куда еще не ступала нога человека, куда боятся идти как взрослые, так и дети. Безусловно, происходит творческое переосмысление признаков лешачьего места. Однако такая важная черта как наличие дыма, сохраняется. Так, по утверждению героев, болото зимой не замерзает и оттуда идет густой пар. В данном случае пар ассоциируется с дымом: «Полём петö видзöтны. Лешаччöй места, <...> Нельки тöвнас оз кынмывлы. Сидз парыс и кайö, бытьтö самоварись» (Страшно смотреть. Лешачье место, <...> Даже зимой не замерзает. Так пар и поднимается, как будто из самовара) [Минин 1970: 34]. Не случайным является и тот факт, что концептуально важные события в повести, прежде всего, поимка Пельтöм Селько, разворачиваются именно на болоте, что еще раз подчеркивает значимость выбранного топоса, дорогу к которому знал только Селько и его внук.

Еще лешачьими называют территории, на которых нередко происходят необъяснимые звуковые явления, связанные с кашлем, плачем, криком, хохотом. В повести «Ва увтын пос» («Мост под водой») характерной чертой указанного места становится страшный нечеловеческий крик: «монахез висьтасьлöмась, бытьтö ойезнас <...> мукöдпырся рязвö лешак,и прокод мыйкö бульчикайтö» (монахи говорили, будто ночью <...> иногда кричит леший, и всегда что-то булькает) [Минин 1970: 46]; а также наличие неизвестных (необъяснимых) звуков, производимых лешими: «Вöрас ойбыт нёштöмасьö кинкö, нюрын туруныс орöттöг кышöтö. Не весь жö пöрись отирыс байтö: лешаккес эна страшнöй местаэзын сымда – кöть пруд прудит»

(В лесу целую ночь пугает кто-то, в болоте трава постоянно шелестит. Не зря же старые люди говорят: леших в этих страшных местах столько – хоть пруд пруди) [Минин 1970: 19].

В повести «Чөвпан мыс дын» («У Челпан горы») лешачьим местом становится заброшенная деревня, из которой часто доносится хохот, похожий на смех лешего: «Мужикыс и висьтасьö мыйкö, а инькаыс ваксьö лешак моз...» (Мужчина и рассказывает что-то, а женщина смеется, как леший) [Минин 1962: 111]. В некоторых случаях можно услышать и более тревожные звуки: «Сэтöн лотшкötöмөн чегласисö пуэз-великаннэз и кинкö ружтис нёштöма да сьöкыта. Сэссия ыджыт лешак кутчисис ваксьыны-серавны – го-го-го!» (Тут потрескивая ломались деревья-великаны и кто-то стонал некрасиво и тяжело. Потом большой леший стал смеяться – го-го-го) [Минин 1962: 76]. Люди, испугавшись такого смеха, «пернапасасьöны отрубын оліссез, асьныс чоужыка пырöны пемытжык пельöсö, кытöн оз кыв лешакыслöн горötлöмыс» (Крестьяца жильцы в отрубе, сами быстрее заходят в более темный угол, где не слышно крика лешего) [Минин 1962: 76]. Подчеркивается, что они боятся лешего, не хотят с ним встречаться.

Для лешачьих мест характерно появление признаков огня, чаще всего воспроизводимого самим лешим. В быличках упоминается о том, что у лешего во время сна изо рта идут искры. В повести «Ва увтын пос» («Мост под водой») герои замечают, что «нюрсис петö кытшöмкö би» (из болота идет какой-то огонь) [Минин 1970: 46]. Надо сказать, что одни герои верят в существование лешего, другие используют его для устрашения детей. Так и в указанной повести в некоторых случаях слово леший применяется для того, чтобы напугать их: «Поколеннёйсь поколеннёö вуджліс легенда: кин мунас нюр саяс, сійö лешак джагötас» (Из поколения в поколение передавалась легенда: кто пойдет за болото, того леший душисть будет) [Минин 1970: 46]. Однако сама мысль о лешем (рассказах, связанных с ним) наталкивает на то, что в сознании героев знание о мифологических персонажах существует давно.

В повести «Чөвпан мыс дын» («У Челпан горы») Дмитрий место проживания лешего называет весь лес, уточнения не происходит: «видчис, шуис лоссесё бөжтөм ведьмаэзөн, а асьсё адззывтөм дуракөн, кёда Петыр лун панытё ылаліс мунны вөрө, лешаккез дынө, көр соседдэс юёны, натьтө, сур и висьтасьёны өтамөдлө гажа историяэз» (ругался, называл лосей безхвостатыми ведьмами, а себя невиданным дураком, который перед днем Петра захотел пойти в лес, к лешим, когда соседи, наверное, пьют квас и рассказывают друг другу радостные истории) [Минин 1962: 122]. В то время как в повести «Кыдз шыннялө Апостол» («Как смеется Апостол») леший называется кайским, то есть по месту его обитания: «И сэтшөм сія вына да прока лоис – асьсё кайскөй лешаксё от кинас вермас» (И такой он сильный и способный стал – самого кайского лешего одной рукой победит) [Минин 1988а: 111]. В данном эпизоде сила Афони сравнивается с силой кайского лешего. Как в преданиях богатыри борются с нечистой силой, так и литературный герой, встретившись с таким персонажем, смог бы его побороть.

Рассмотрим появление самого лешего в художественных произведениях Минина. В повести «Ва увтын пос» («Мост под водой») отмечается суеверность героев, вера в нечистую силу. Так, леший появляется перед Алешкой. Мальчику не раз люди из деревни доказывали, что лешего не существует: об этом говорил дед Петрован, об этом рассказывала учительница в школе. Однако мальчик продолжал верить в его существование: «ойшөрнас дрөгнитіс вёрыс, пуэз куснясьны пондісө, нюрын рявкнитіс кинкө. Беда! Чеччөвтіс Öльöшка, дзарнитіс өтөрө, а сэтчин – Христос тэ, батюшко! – тоша мужик сулалө. Лешак!» (в самую полночь лес задрожал, деревья погибать стали, в болоте рявкнул кто-то. Беда! Вскочил Алешка, глянул на улицу, а там – Христос ты, батюшко! – бородатый мужик стоит. Леший!) [Минин 1970: 20]. В оригинале повести герой узнает лешего в «бородатом мужике». Следует заметить, что в русском варианте описание

мифологического существа отсутствует. Герой так и не может разобраться, кто явился к нему ночью. Образ лешего в переводе исчезает.

Литературные герои верят в существование лешего. Они знают о его проделках. В таких случаях мифологический персонаж выступает как отрицательный герой, который вредит человеку. О проделках лешего речь идет в повести «Öтік лун и öтік ой» («Один день и одна ночь»). Максим с другом в лесу обнаруживает мертвого кабана. В его смерти обвиняет лешего: «Лешак, натътö, петалис» (Леший, наверно, выходил) [Минин 1982: 225]. В лесу они встречают лесника, принявшего их за леших: «Натътö, лешаккез туйö миянöс примитин» (Наверно, за леших нас принял) [Минин 1982: 246]. Таким образом, в существование мифологического персонажа верят и Максим, и лесник. Лесник предупреждает путников: «ковсьö берегитчыны быд берсяись – лешакись, недобрöй мортись, аслат роднöй инькаись» (приходится беречься от всего – от лешего, от недоброго человека, от своей родной жены) [Минин 1982: 244].

В повести «Паныт уйис тöлись» («Навстречу плыла луна») Степанко встречает на своем пути восьмидесятилетнего пожилого человека, который разносит похоронки. По мнению почтальона, это самая тяжелая работа: «Эз вöвлы сэтшöмыс некöр, медбы меись народ полис. А öнi полöны, кызд смертись» (Не бывало такого никогда, чтобы меня люди боялись. А теперь боятся, как смерти) [Минин 1968: 41]. Одна из героинь признается, что лучше встретиться с лешим, чем с почтальоном: «Лучше бы лешаккöt пантаси, чем тэкöt» (Лучше бы с лешим встретилаь, чем с тобой) [Минин 1968: 41]. Как видно, в сознании людей живет мысль о том, что леший существует, что он может навредить человеку. Не случайно, как кажется, плохая весть (смерть о близком человеке) связывается со встречей лешего.

О том, что герои помнят и знают про такого мифологического героя, как леший, свидетельствуют рассказы-воспоминания героев. К примеру, в повести «Чекистлөн сьöлöм» («Сердце чекиста») Борис Тимофеевич думает: «...пуксясö биыс гөгöр, пондöны сказкаэз висьтасьны, лешаклөн берся "удж"»

йылісь лёбны» (...сядут около костра, начинают сказки рассказывать, про разную "работу" лешего говорить) [Минин 1988б: 27]. Данная цитата убеждает в том, что знания о лешем передаются из поколения в поколение, что они живут, пусть даже в форме сказок. Несмотря на то, что герои не признают существование этого персонажа, тем не менее, они охотно рассказывают о нем.

В художественных произведениях Минина имеются не только отдельные упоминания о лешем или его появлении, но и целые тексты («текст в тексте»), посвященные его проделкам. Ярким примером такого проникновения фольклора в художественный текст является повесть «Чёвпан мыс дын» («У Челпан горы»). Разговор происходит между путешественником и мальчиком Васей. Маленький мальчик рассказывает историю о лешем: «Баитёны, эстён пё лешаккез олёны. <...> Мамё пыр висьтасьлё, кыдз лешакыс басёк нывкаёс гусявлём деревнясис. Мунас отпыр нывкаыс Кулигаё тшакьявны, вон логыс дорё, и сійё пышшётём лешак. Инькаэз да мужиккез кошшасё неделя, кошшасё кыкё, оз вермё адззыны. Только год бёрті өтік вөралісь казялас нывкаыслісь коскаэсё Пальниковскёй дзибись» (Говорят, здесь, мол, лешие живут. <...> Мама постоянно рассказывает, как леший красивую девушку уводил из деревни. Пойдет однажды девушка в Кулигу за грибами, вон за лог, и ее увел леший. Женщины и мужчины поищут неделю, поищут две, не смогут найти. Только через год один охотник увидит кости девушки в Пальниковском лесу) [Минин 1962: 73]. В данной истории на первый план выходит известная черта лешего: его способность красть людей, прежде всего, женщин. Как видно, Вася верит в случившееся. Однако его собеседник, человек городской, отрицает данное явление: «Некытшём лешак эстён абу и эз вёв» (Никакого лешего здесь нет и не было). Путешественник пытается убедить мальчика в том, что лешего нет и бояться нечего: «Тэ жё школьник, а лешакёс касьтивлан» (Ты же школьник, а лешего вспоминаешь) [Минин 1962: 73].

Следует подчеркнуть, что литературные герои Минина не раз рассуждают одновременно о боге и лешем. Приведем несколько примеров. Согласно мифам, у древнего человека (коми-пермяка) леший ассоциировался с одним из земных богов. В.В. Климов в работе «Корни бытия» отмечает, что «Лешего древние язычники считали самым важным из земных (Еном), хотя он совсем простой, можно сказать, живет с людьми под одной елкой. Люди хорошо знали лешаковы повадки и характер и обходились с ним по-соседски просто» [Климов 2007: 198]. Примечательно, что герой Минина Митя в рассказе «Ойся цветтэз» («Ночные цветы») видит связь Ена и лешего, даже уподобляет их: «Висьтала ме тэныт, сiя, еныс, вына эшö миян инькаэз коласын, авторитетнöй, позьö шуны, пöрись лешак» (Скажу я тебе, он, Бог, сильный еще между нашими женщинами, авторитетный, можно сказать, старый леший) [Минин 1964б: 14].

В другом произведении «Комолöй чёрт» («Безрогий черт») мы также видим сопоставление бога и лешего. Коми-пермяки были (в какой-то степени остаются) язычниками. Они верили (и верят) разным существам, в том числе и лешему. Тем не менее, в рассказе Минина предпочтение отдается христианской культуре: «Ме, кум, молитва тöда. Не лешак, не чёрт некöр оз локтö» (Я, кум, молитву знаю. Ни леший, ни чёрт никогда не придут) [Минин 1997б: 96]. Известно, что в художественных текстах такой выбор делают пожилые люди, живущие старыми порядками. Однако в параллель их высказываниям имеется другое мнение, которое опровергает существование, прежде всего, бога. Такой выбор обусловлен связью художественных текстов с соцреалистическим каноном, запрещавшего в любом виде искусства обращаться к вере: «Ме ассим святöй ликкесö эшö война одзас горын сотi и, адззан, сё эшö ловья, некытшöм лешак оз босьт» (Я свои иконы еще до войны в печке сжег и, видишь, все еще живой, никакой леший не берет) [Минин 1964а: 118]. В этом случае автор показывает, что бога нет, но и предпочтение лешему также не дается.

Минин в своей повести показывает прямое столкновение Христа и Юма, превратившегося впоследствии в лешего: «...что Христосыс да Юмыс вексö абу лöсьлöмась, что Христосыс, кыздз висьтасьö преданнё, öтпыр кутöма Юмсö тошöтгяс да и шупкöма сйö, беднöй старикöс, зыбуна нюрö, лешакö сйö пöртöма» (...что Христос да Юм всегда не ладили, что Христос, как рассказывает предание, однажды поймал Юма за бороду и выкинул его, бедного старика, в топкое болото, в лешего его превратил) [Минин 1988а: 124]. В данной сцене Христос в большей степени похож на богатыря, освободившего землю от зла. В энциклопедии «Мифы народов мира» имеется словарная статья, составленная В.В. Ивановым и В.В. Топоровым, в которой дается понятие слову Юмала (по нашему мнению сходное со словом Юм). «Юмала (карельск. и финск. Jumala), эст. Юмал (Jumal), в финно-угорской мифологии общее наименование божества, сверхъестественного существа, прежде всего духа неба (часто использовалось во множественном числе для обозначения класса духов). После христианизации у прибалтийских народов имя Юмала стало обозначать христианского бога» [Иванов, Топоров 2008: 1133].

Леший не всегда связывается с образной системой произведения. Иногда слово леший применяется в речи литературных героев для оценивания сложившейся ситуации, выражения эмоций по поводу случившегося с героем и т.д. Рассмотрим данные выражения более подробно в следующем параграфе.

2.2.3. Образ лешего в речевой характеристике героев

Словом леший подчеркиваются различные эмоции:

1) Злость. В повести «Ва увтын пос» («Мост под водой») дед Петрован разозлился на сбежавшего теленка и сказал: «Видзöт, кытшöм лешакпяян!» (Смотри, какой лешачий сын!) [Минин 1970: 44]. Известно, что действие в повести «Паныт уйис тöлiсь» («Навстречу плыла луна») разворачивается в

период Великой Отечественной войны. Митюбаран был призывного возраста. В связи с тем, что он был маленького телосложения, в армию его не взяли. Обвинили в обмане: «Симулянитан, лешакпян!» (Симулянишь, лешачий сын) [Минин 1968: 13]. В рассказе «Ойся цветтэз» («Ночные цветы») повествователь останавливается в одной из заброшенных деревень переночевать. Ночью ему все кажется, что появится невиданное существо, которое попытается его прогнать: «А ноко висьтав, лешакпян, мыйлө татчө локтін?» (А ну-ка скажи, лешачий сын, зачем сюда пришел?) [Минин 1964б: 15]. Афоня из повести «Кыдз шыннялө Апостол» («Как смеется Апостол») застал врасплох Фаину. Фаина, разозлившись на него, крикнула: «Да баит тэ, лешачина, мый тувдін?» (Да говори ты, лешачина, что онемел?) [Минин 1988а: 168]. Гаврила Фокич (из этой же повести) пришел одолжить икону к соседке. Однако она на него так разозлилась, что тот едва ушел от нее. Убегая выкрикнул: «У-у, ядовитой лешачиха! И мыйсянь сідз бөбсялін, нечистой дук?» (У-у, ядовитая лешачиха! И из-за чего одурела, нечистая сила?) [Минин 1988а: 88]. Гаврила Фокич не раз применяет в своей речи бранные выражения, связанные с лешим. Вот еще один пример. Услышав о том, что его соседка решила сына женить без его согласия, сказал: «Эт, мый юрас пырөма лешаччөй кикиморалө» (Вот, что в голову ей пришло лешачьей кикиморе) [Минин 1988а: 94]. Указанные выражения (кроме Гаврила Фокича) применяет также бригадир. Акулина попросила у него лошадь, а тот отказал ей. Свой разговор Акулина рассказала Куть-Кутихе и отметила, что бригадир плохо с ней обошелся: «Он адззы, шуө, пөрись лешачиха, мый ме кера – бумагаз гижа! и өдззис, и өдззис» (Не видишь, говорит, старая лешачиха, что я делаю – документы пишу! И начал, и начал) [Минин 1988а: 154].

2) Негодование. Председателя Исая Сергеевича в повести «Өтік лун и өтік ой» («Один день и одна ночь») обманул лесник Кузьма Кузьмич. Исая Сергеевич, показывая свое негодование по этому поводу, говорит: «Кузьмичыс, сюра лешакыс, өтөрын талун эз на мыччась?» (Кузьмич,

рогатый леший, на улице сегодня не появлялся?) [Минин 1982: 264]. В рассказе «Ойся цветтэз» («Ночные цветы») повествователь поинтересовался у своего собеседника, не видел ли он кого-нибудь ночью. Митя ответил с негодованием: «Кытшом, лешак, адззылін!» (Какого, лешего, видел!) [Минин 1964б: 20]. В рассказе «Макарихалон счастье» («Счастье Макарихи») Фаина, испугавшись, сказала: «Ой, кин сэтон, лешак? – повзис нывкаыс» (Ой, кто там, леший? – испугалась девушка) [Минин 1964а: 111].

3) Возмущение. Молодая девушка из повести «Кыдз шынняяло Апостол» («Как смеется Апостол») заходит в церковь, тем самым вызывает возмущение у других присутствующих: «А тэнö, томöс да здоровойöс, кытшом лешак миян дынö чапкис?» (А тебя, молодую и здоровую, какой леший к нам забросил?) [Минин 1988а: 156]. Когда Гаврил Фокич пришел к Куть-Кутихе за иконой, она встретила его нерадостно и спросила: «Кытшом могон лешакыс пыртис?» (С какой целью леший занес?) [Минин 1988а: 87].

4) Презрение. Митя из рассказа «Ойся цветтэз» («Ночные цветы») с презрением отзывается о своих соседях: «Öтик годся мекöt, лешак, а гробö ни видзötö» (Одного года со мной, леший, а в гроб уже смотрит) [Минин 1964б: 8]. Мартын Чивера из повести «Кыдз шынняяло Апостол» («Как смеется Апостол») употреблял спиртные напитки. Люди за это его осуждали: «Эта лешаччой старикыс, адззатö, не весь петавліс посödзас свежой воздухон лолавнытö» (Этот лешачий старик, видите, не зря выходил на крыльцо свежим воздухом подышать) [Минин 1988а: 157].

5) Досада. Главный герой рассказа «Вижлок Пронялон медбөрья ой» («Последняя ночь Вижлок Прони») выращивал яблони. Одна из веток яблони вылезла наружу. Вижлок Проня беспокоился о том, что ее прохожие могут сломать, поэтому всю ночь не спал. Однако под утро его силы иссякли, и он решил ее срубить: «А, лешак! Не мортлö, не чёртлö, а лучше понлö бöж увтас...» (А, леший! Не человеку, не черту, а лучше собаке под хвост) [Минин 1997а: 104]. Митя так увлекся рассказами о своей жизни, что забыл о днях недели: «Эх, лешак! Вот кытчöдз ылалі басинам!» (Эх, леший! Вот про

все забыл с этим разговором) [Минин 1964б: 6]. Лесник из повести «Öтiк лун и öтiк ой» («Один день и одна ночь») рассказывал Максиму случай о встрече с кабаном, которого так и не смог поймать: «А сiя, лешак, кылiс эд лямпa кышöтöмсö» (А он, леший, услышал ведь шорохи лямп) [Минин 1982: 214].

6) Удивление. Повествователь из рассказа «Ойся цветтэз» («Ночные цветы») решил отправиться в другую деревню. Он этим удивил Митю: «Льöмваö? Мöдан Льöмваö мунны? Ах тэ, лешак!» (В Льöмву? Хочешь в Льöмву пойти? Ах ты, леший!) [Минин 1964б: 20]. Лесник из повести «Öтiк лун и öтiк ой» («Один день и одна ночь») нашел в лесу ружье, которое принадлежало председателю сельсовета. Председатель сельсовета как ни в чем не бывало спросил его: «Пишаль? Адззин? Но, лешак!» (Ружье? Нашел? Но, леший!) [Минин 1982: 273].

7) Испуг. В рассказе «Оча морос» («Лицом к лицу») испугался дед Игнат. Он увидел, как Сергей Комолов собирается переплыть реку. С негодованием крикнул: «Вöяс, лешакпиян!» (Утонет, лешачий сын!) [Минин 1964в: 50]. Однако прямо противоположные эмоции дед выражает после того, как понимает, что Сергею Комолову удалось переплыть реку: «Вуджис эд, вуджис, лешакпиян!» (Перешел ведь, перешел, дитя лешего!) [Минин 1964в: 51]. Испуг проходит, появляется одновременно радость и удивление.

8) Неуверенность. Путешественник в повести «Чöвпан мыс дын» («У Челпан горы») о многом спрашивал Демида. Старик, не зная, что ответить, часто употреблял следующее выражение: «А лешак тöдö. Видно, сiйöн, медбы нечистöй дук эз аркмы» (А леший знает. Видимо, для того, чтобы нечистый дух не появился) [Минин 1962: 108].

Как видно, слово леший выражает разные эмоциональные состояния героев. Однако чаще всего проявляются отрицательные эмоции. Слово леший, прежде всего, можно встретить в повестях «Кыдз шыннiялö Апостол» («Как смеется Апостол»), «Öтiк лун и öтiк ой» («Один день и одна ночь»), а также в рассказе «Ойся цветтэз» («Ночные цветы»).

Итак, наши наблюдения убеждают в том, что:

- Минин вводит в свои произведения лешего не только как самостоятельный образ, но и часто наделяет его характеристиками литературных персонажей, прежде всего, для усиления их отрицательных черт либо плохих поступков;

- включая лешего как самостоятельного героя в сюжет того или иного художественного текста, писатель таким образом показывает существенные черты картины мира коми-пермяков, приписывающих каждому месту своего хозяина: в доме – домовый, в воде – водяной, в бане – банник, в лесу – леший. С этим, по нашему мнению, связана популярность образа лешего в прозе Минина. Кроме того, вера в мифологических персонажей самого писателя также могла служить основой для сюжета произведения с участием данного героя;

- в прозе Минина наблюдается разное отношение к появлению мифологического персонажа в качестве героя: в одном случае, его литературные герои верят в существование демонических персонажей, а в других случаях, литературный герой отрицает появление «нечисти».

Методические рекомендации по использованию материалов

Технологическӧй карта

Класс: 6

Тема: «Ва увтын послӧн» ассяма пытшкӧс

Тип уроклӧн: художественнӧй произведеннӧ бӧрйӧм (виль тӧдӧммез осьтӧм)

Уроклӧн мог:

Деятельностнӧй: аркмӧтны челядльісь интерес произведеннӧ дынӧ; велӧтны самостоятельнӧя уджавны; аркмӧтны бытшӧм условиез удж понда; настроитны велӧтчиссезӧс босьтны виль тӧдӧммез и кужӧммез тема съӧрті; ӧтувтӧтны удж художественнӧй текст съӧрті;

Содержательнӧй: велӧтны бӧрйыны художественнӧй произведеннӧ, торйӧтны медшӧрсӧ художественнӧй произведеннӧ пытшкӧсісь.

Задачаз:

Велӧтан: велӧтны бӧрйыны художественнӧй произведеннӧсӧ; велӧтны уджавны группазӧн;

Зорӧтан: зорӧтны челядльісь сӧрни, лыддьӧтан навыккез, творческӧй кужӧммез, ылӧс да тӧдывыв, зорӧтны интерес тема дынӧ;

Воспитательнӧй: воспитывайтны коми-пермяцкӧй литература да фольклор дынӧ интерес, радейтӧм чужан му дынӧ, воспитывайтны бытшӧм отношеннӧез ӧтамӧд дынӧ.

Видзчисян судзӧтӧммез:

Личностнӧй судзӧтӧммез: радейтны мам кыв, лыддиссыны мӧдік мортлӧн дзарньӧвкӧт;

Познавательнӧй судзӧтӧммез: кужны уджавны небӧг съӧрті, кужны уджавны цитатазкӧт, кужны адззыны ответтӧз быдкодь юасьӧммез вылӧ;

Коммуникативнӧй судзӧтӧммез: кывзыны и кывны ӧрттӧзӧс, кужны волькыта да правильнӧя висътавны думаз, аргументируйтны ответ;

Регулятивнӧй судзӧтӧммез: нацеливайтны бур удж вылӧ, кужны аргументируйтны, керны выводдӧз, кужны сетны дон асланыс уджлӧ.

Литературоведческӧй концепция: Источниккӧзӧн коми-пермяцкӧй литература понда лоӧны устнӧй народнӧй творчество да роч литература. В.В. Пахорукова торйӧтӧ нӧйӧ жанресӧ, кӧдна лоисӧ источникӧн художественнӧй произведеннӧ аркмӧм понда: преданнӧез, быличкаез, сказкаез. Гижиссез быднӧжа вермасӧ используйтны фольклорнӧй материалсӧ: босьтны сюжет, торья образзез, мотиввез, цититаез. Оз ло исключеннӧн и творчество И.А. Мининлӧн. Сы повестьын «Ва увтын пос» пыртӧмась уна образнӧй заимствованнӧез фольклорись. Ӧддӧн часто сы произведеннӧын петӧ образ лешӧйлӧн, шочажык богатырьлӧн. Лешӧйкӧт йитсьӧ сы повестьын Пельтӧм Селько. Сӧя лоӧ отрицательнӧй геройӧн. Пельтӧм Селько вачкисьӧ лешӧйыс вылӧ и вывтырнас (тоша, лӧчыт сина), и характернас (ӧштӧтӧ изыскателлезӧс вӧрын, вийӧ морттӧзӧс и с.о.). Неслучайно повестяс медшӧр событиеез мыччалӧмась болотоын, вӧр шӧрын. Болото – этӧ места, кытчӧ эшӧ эз павкыв мортлӧн кокыс. И сӧтчын туйсӧ тӧдӧ только Пельтӧм Селько. Болотоас, отирыс сьӧрти, овлӧны быдкодъ явленнӧез (шум, пар кайӧ, би кайӧ). Пельтӧм Сельколӧ противопоставляйтчӧ дед Петрован. Сӧя лоӧ наставникӧн челядь понда. Дед Петрованӧс быдыс уважайтӧ, лыддӧ бур мортӧн. Сӧя отсалӧ кутны Пельтӧм Селькосӧ. Медшӧр геройезӧн сӧдзжӧ лоӧны Виталько да Серӧжка. Нӧя ӧддӧн мӧдӧсӧ керны кытшӧмкӧ поступок, мед ӧтсӧ эз лыддӧ трусӧн, а мӧдсӧ – бӧр сувтӧтӧсӧ старостаӧн. Богатырскӧй мыгӧрӧн мыччалӧмась изыскатель да милиционер. И сӧдз, повестьлӧн «Ва увтын пос» ассяма пытшкӧс, кытчӧ гижись пыртӧма фольклорись быдкодъ образзез.

Отсӧттӧз: презентация, серпассез, карточка-цитатаез.

Уроклӧн мунӧм

Этаппе злӧн виззез	Уроклӧн пытшкӧс	Велӧтӧс ьлӧн удж	Велӧт чиссез лӧн удж	Пыр колана тӧдӧммез да
-----------------------------------	------------------------	---------------------------------	---	---

				кужӧммез зорӧтӧм (УУД)
1. Класс лӧньсь ӧтӧм	<p>В: Бур лун, челядь, пуксям. Пондӧтам коми-пермяцкӧй литература сьӧрти урок. Талуння урок вылын миян лоасӧ правилозз, кӧднӧ дзугны оз туй:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) Уджавны дружнӧя. 2) Лэбтыны ки. 3) Не горӧтны. 4) Не отвлекайтчыны. 5) Ӧтамӧдӧс кывзыны. 	Приветс твуйтӧ велӧтчи ссезӧс, настраивайтӧ удж вылӧ.	Занимайтӧны ассинны с местаэ з, лӧсьӧт чӧны урок кежӧ.	Регулятивнӧй: нацеливайтны бур удж вылӧ; коммуникативнӧй: кужны кывзыны ӧтамӧдӧс.
2. Удж дынӧ туйдӧт ӧм	<p>В: Пондӧтам удж. Не ӧтик урок сьӧрна ни мийӧ тӧянкӧт тӧдсасям И.А. Мининкӧт да сы повестьӧн «Ва увтын пос». Гортаныт тӧянлӧ колӧс лыддӧтны сийӧ помӧдз. Талун миян медбӧрья урок эта произведеннӧ сьӧрти.</p> <p>В: Медодз орсам орсанӧн «Сидз, не сидз». Доска бӧрын ӧшӧтӧмась серпассэз-портреттэз медшӧр геройезлӧн. Медбы тӧдны киннэз нӧя, тӧянлӧ колӧ сетавны юасьӧммез, а ме понда шуны сидз или не сидз.</p> <p>Ч: (челядьлӧн примернӧй юасьӧммез):</p>	Сетӧ заданнӧ велӧтчи ссезлӧ; чулӧтӧ орсан.	Кывзӧны велӧтис бӧс; сеталӧны юасьӧммез.	Регулятивнӧй: настроитны тема вежӧртӧм дынӧ; коммуникативнӧй: кужны висьтаваны ассинныс думаэз.

	<p>- этö инька или мужик?</p> <p>- учöт сiя или ыджыт?</p> <p>- сiйö уважайтöны отирыс?</p> <p>- сiя пастух или велöтчись?</p> <p>- полiсь или смевжык?</p> <p>- олö Перкояг деревняын или оз?</p> <p>В: Вот мийö тiянкöт тöдiм медшöр геройесö повестьсис.</p> <p>В: Тiян юасьöммез сьöртi петiс я пыдын характеристика геройезлөн?</p> <p>Ч: Эз.</p>			
3. Тема да моггез петкöt öм	<p>В: Мый вылын мийö сэк пондам уджавны урок сьöрна?</p> <p>Ч: Сетны пыдын характеристика быд геройлö.</p> <p>В: Сiдз. Ассияма пытшкöс повестьлөн, событиеез, кöдна мунöны сы пытшкын отсаласö буржыка вежöртны геройезлись поступоккез, нылись мывкыд.</p>	Сетö юасьöм.	Сетөн ы ответ юасьöм ывлö.	Регулятивн öй: планируйтöны удж урок ывлö.
4. Иссл едовате льскöй удж	<p>В: Талун урок ылас мийö пондам уджавны группаэзөн. Торйötчам вит группа ывлö. Быд группалөн лоас аслас герой (1 группа – Дед Петрован, 2 – Пельтöм Селько, 3 – Виталько да Серёжка, 4 – Öльöшка, 5 – изыскателлез).</p>	Висьтал ö кыдз пондасö уджавн ы урок ылын; мый колö	Кывзöны заданн ё урок кежö; уджалöны группа	Познавател ьнöй: кужны уджавны небöг сьöртi да цитатаэз сьöртi; кужны

	<p>В: Одзлань висьтася, мый пондас ковны тiянлö керны. Тiян одзын куйлöны ватманнэз да листоккез вылын гижöм цитатаэз. Этна ватманнэз вылö тiянлö колö клеитны портретсö бöрйöм геройлись, а сыбöрын кошшыны цитатаэсö, кöдна относитчöны сы дынö и сiдзжö клеитны нiйö ватман вылö. Вермат асьныт эшö содтыны серпас, кöда бы осьтiс геройсö лыддьötись одзын. Медодз тiянлö колö опишитны геройлись вывтыр, сыбöрын сылись мывкыдсö. Медбöрын мыччавны мöдик геройезлись сы дынö отношеннö. Кöр удж лоас помалöм, пондам кывзыны öтамöдöс. Сетавны юасьöммез, керны дополненнöэз.</p> <p>В: Пондöтам удж.</p> <p>Ч: (челядылön примернöй ответтэз) 1 группа – дед Петрован:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Дед Петрован пукалис посöдзын. Вöли сiя, тыдалö, сё эшö нездоров, бледыник и слабöй, но уджалiс ни. • Сiя вöли пашмöм юрсиа, гынмöм тошока. 	<p>керны велötчи ссезлö; кывзö нылись результата ттэз.</p>	<p>эзын; лыддьö тöны ассины с результата таттэз; кывзöн ы ёрттэзö с.</p>	<p>адззыны ответтэз юасьöммез вылö; коммуника тивнö: кывзыны и кывны ёрттэзöс, кужны волькыта да правильнöя висьтавны думаэз; регулятивн öй: кужны аргументир уйтны ассиныс ответтэз.</p>
--	--	--	--	---

	<ul style="list-style-type: none"> • Дед Петрован вöлі пöрись морт, пöрись солдат. Сія уна ни адззыліс аслас кузь векын, шедліс, кыз баитöны мукöддэс, не öтiк переплётö. И сія, суровöй морт, кужис видзны чувствоэсö и асьсö «аслас киэзын», вермис öмавтöг кывзыны любöйöс и не мыччавны эта коста не возмуценнö, не дивуйтчöм. Пукалö и кывзö. И быдöс. • Мунны дед Петрован ордö? Этö позис бы. Дед Петрован öддьөн бытшöм морт, не Пельтöм Селько. Мый бы эн кор, сійö и сетас. Неважын пыж сетліс Шерва сайö вуджлыны, сэсся эшö пиксаннэз керліс. • Дед Петрован öліс челядсьö кинас: эд кышöтö, эд пишкö ныррезөн. • Иньдіс челядсьö сэтöрьяинö, а ачыс пуксис избушкаыс порог вылö и пондіс керны виль туис. Öт синнас туисыс вылö видзötö, а мöднас – куканнез вылö. • Кин тöдö, может, и вöйисö бы кыкнанныс, но дед Петрован ештiс аскадö. Сія локтiс ны дынö, 			
--	--	--	--	--

	<p>кыз лягушаӧс, кыскис зыбунсис Серѣжкаӧс и... ӧдззис несйыны!</p> <ul style="list-style-type: none"> • Зонка вӧлі рад, что сэтшӧм кокнита шедисӧ нюр саяс, вӧлі довольной сійӧн, что ӧтлаын ныкӧт дед Петрован, опытной пӧрись морт. Сыкӧт повны нач немись, нельки няньтӧг позяс ольштны, эка беда. <p>2 группа – Пельтӧм Селько:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Кытӧн татӧн Селиверст Гаврилович Пономарѣв олӧ? Сы дынӧ могӧн локті. • Деревняись челядыс эз пыравлӧ Селько дынӧ, мылякӧ полисӧ сыись. Аскодя вӧлі старикыс. Юрсиыс гӧрд, кыз шонді, тошыс гӧгви. И тожӧ гӧрд, кыз бикыв. Но мый главнойыс, дак ӧтӧ – синнэс. Лӧчытӧсь, шучкӧп бытшкӧны, кӧр дзарнитас тэ вылӧ. Не весь жӧ Аграфена баб шуд Селькосӧ колдунӧн. Только колдуннэзлӧн да лешаккезлӧн пӧ овлӧны сэтшӧм синнэс. • Сылӧн синнэс сідз и сотисӧ быдӧс светсӧ, сідз и бытшкиссӧ, кыз пыжъяннэз. Шед ӧтшӧмыслӧ ӧтнат векнит туй вылын, дак няж- 			
--	---	--	--	--

	<p>няж только керас, сымда и олан. Эх, страшнӧй врагыс вӧлӧма.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Эд некин сылӧн родняыс абу, только внучекыс, Ӧльӧшкаыс. Пельтӧм Сельколӧн иньыс важын ни кулӧма; зоныс, Ӧльӧшкалӧн айыс, ӧтпыр мунӧма кодӧн пывсьыны да и чорзьӧма баняас. Абу Сельколӧн и моньыс, Ӧльӧшкалӧн мамыс: дас год мымда ни чулалӧм сӧксянь, кыз инькаыт мунӧма тшакьявны и абу бертӧма – видно, ош лапаэзӧ шедіс. Быдтіс Селько внучексӧ, вердіс и пасьтӧтіс, велӧтіс, кыз овны колӧ: – Кывзы менӧ, и быдӧс лоас бур да ладно. Да эшӧ енӧс эн вунӧт. Сія быдӧнлӧ отсалӧ. • Пельтӧм Сельколӧн айыс вӧлӧма Перкоягын медбогатӧй мортӧн, кулакӧн. Сія абу радейтӧм соседдэсӧ и строитлӧма керкусӧ деревняыс концецӧ, невна торйынжык мӧдік керкуэз дынсянь, самӧй лог дорӧ. • Кутчӧтіс ассис наследниксӧ пастучитны, медбы эз сӧй зонкаыс няньсӧ весь. 			
--	---	--	--	--

	<ul style="list-style-type: none"> • Этö бур, что масö вайитö. Мамö иньдивлис асывнас Пельтöм Селько ордö, дак сiя эз эд сет. Абу, шуö, öтiк воть. • Томсянь кытшöмкö старушкаэзкöt да старичоккезкöt вежмасьö. • Бöбötис миянöс лешакыс, кыз учötик кагаоккезöс, корсис проводникön, туй мöдiс мыччавны и лешки-вошки бöбötис. Куим лун гöгралiмö тайгасö, сё старайтчимö вуджны нюр саяс, но быдпырся инмывлiмö зыбунö, дука нятьö, кынымиськö чуть эг вöйö. Сергей Петрович вöли лөг. Сiя сьöласис и видiс Пельтöм Селькосö кöинön, адззывлытöм лешакön, а асьсö – ылöстöм кагаön. • А мöйму петiс пенсия вылö и уджавны некытön эз понды. Но деревняын бöра некör оз шатлась, сё кытöнкö вöрын «лешачитö», кыз баитiс öтпыр Аграфена баб. Эта, пожалуй, и буржык, мед лешачитö. Кötь челядьсö аслас тошön да синнэзön оз повзьötлы. <p>3 группа – Виталько да Серёжка:</p>			
--	--	--	--	--

	<ul style="list-style-type: none"> • Юалисö Витальколөн голубöй синоккез. • Чужöмыс куш понпутш. • И вöли причина. Шедис-даки Витальколö дружокыссиянь. Серёжка кыкись сюйыштіс сылö горбас, мыля несйис Пельтöм Селькоыс садын, и тшöктіс отсавны кучитны картов. • Виталько некой пору тыртіс ассис ыджыт туиссö и давай тыр кырыммезөн сюйны сэтöрсö öмас. • Сія, деда, пыр несйö. А унажыксö сэк, көр полö мыйиськö... • И ния босьтісö понуллез сайись лямпаэз, лэдзчисö нюр дорас. Эстөн адззисö кузь беддез и тожö босьтісö сьöраныс. • Виталькоöс шуисö ни геройөн. • «Менам тожö характер эм!» • Невна думайтіс-керис и тэрмасьöмөн пыкөталіс ыбөссö. • Тэ лучше Виталькоöс ошкы. Вот сія смелöй. Пыкөталіс ыбөссö – и көть бы мый. • Тэ бөбөтчук! И эшö трус. Тэ пö сё бабыткөт узылан. Нельöт 			
--	---	--	--	--

	<p>класс кончитін, а сё...</p> <ul style="list-style-type: none"> • Серёжка тушанас ыджытжык Виталькося и кулакес сылөн ыджытжыкось. Сötас сивилёнö, дак лунтыр пеллезат музыка пондас орсны. • Настоящöй командир! Мый решитас, дак сёравно керас. Кötь не прав, а сёравно ас моз кусіньтас. Стальной характерыс, нем он шу. • Видас мамыс аснырөн нето нечулимөн – Серёжка локтö расокö и думайтö, мыля сійö видісö. Пуктасö школаын двойка – бöра татчö локтö. • Эд Серёжкаыс былись тöвбыт городö лöсьötчис, нельки виль рюкзак аймамыслö тшöктіс небны, а медбöрья лунö откажитчис мунны. Этö сыбöрын, кöр старостанас Катяöс пуктісö. • Васька Порсев кыкись ни Самохвалөн шуис. <p>4 группа – Öльöшка:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Сы векнитик и нятьöсь чужöм кузя шороккезөн визывтіс нбылöм, кузь коккес гардчисö, и зоночка паддяліс, кыз сувтöм 			
--	--	--	--	--

	<p>вөв. Быдөс сылөн кузь мыгöрыс ветлö одз да бöр, бытьтö кытшöмкö лёк вын сöталö спинаас зорөн. Кöда ладорсянь бы эн видзöt, а басöкөн Öльöшкаöс некыдз он шу – вöснитик сiя, дзик майöг, виньöрик. И паськöмокыс сыри-быри, öшалö пельпоннэз вылын, кыдз полакала вылын мешöк.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Уджалö Öльöшка бытшöма, быдöс старайтчö керны сiдз, кыдз велötö зоотехник Иван Степаныч, но сёравно Перкоягын шуöны сiйö супонейөн. Лякасис эта нёштöм нимкодъыс, и зыртыштны сiйö и гывьявны он вермы. Неудачнöя пондötчис Öльöшкалөн оланыс, нем и шуны, öддьөн неудачнöя: одз кольчис айтöг-мамтöг, быдмис умöлика, часто шогавлис. Натьтö, быдкодъ шогöтыс увья и пукалис школаын быд классын кык годөн, öдва вуджис витötö, да сэтчö и сибдiс. Ковсис чапкыны велötчöмсö. Пельтöм Селько кутчötис ассис наследниксö пастучитны, медбы эз сёй зонкаыс няньсö весь. И бур 			
--	---	--	--	--

	<p>– уджалö детина, вайö колана польза и дедыслö, и колхозлö. Но сёравно Öльöшкалö умöля овсьö.</p> <ul style="list-style-type: none"> • А вот пастух Öльöшка эта кадö вочис киссьöм öсек, кераліс потшшез, медбы йöрйыны виль загон, сыбöрын кояліс загонас сов-лизунец, а көр шондйыс кайис юр весьтö, вашöтліс куканнезöс Важ мельница йир дорö юктавны. Поскотинаын уджыс тырмис, и павжунöдз Öльöшка сідз мыдзис – öдва кок вылын öшшис. • Ойшöрнас дрöгнитіс вöрыс. пуэз куснясьны пондісö, нюрын рявкнитіс кинкö. Беда! Чеччöвтіс Öльöшка, дзарнитіс öтөрö, а сэтчин – Христос тэ, батюшко! – тоша мужик сулалö. Лешак! Бур, что Öльöшка ештіс креставны ыбöссö да молитва шушкыштны: «Свят, свят!» А то бы... Кыдзкö неважын вовліс татчö дед Петрован. Кывзіс Öльöшкаöс и неетша сераліс, сыбöрын серьёзнöя висьталіс, что абу му вылас некытшöм нечистöй вын, что быдöс эта – öтік сказка. • Зород дынын узис морт. Сія 			
--	--	--	--	--

	<p>водома кыминь, юрсö кутöма киезнас, вевтисьöма кытшöмкö зипунöн.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Чужöмыс сьödötöм, пыктöм, синнэс кылалöмась и мый самöй страшнöйыс – Öльöшка вöлі дзор! • А Öльöшкаыс кыным унажык висьтасис, сыным ёнажык вежсис: пондiс баитны увереннöйжыка, кокнитжыка, и синнэс югьялісö не ни полöмön. <p>5 группа – Изыскателлез:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Пыжись чеччöвтісö кык морт. Öтыс вöлі ыджыт мыгöра да ён, ныр увтас сьöd видзисö усоккез, а мöдыс томыник, чужöмыс, кыдз и Витальколön, куш понпутш. Кыкнанныс пасьталöмась виль комбинезоннэз, брезентовöй курткаэз, кöмалöмась кузь голенища сапоггез. А пыжас! Челядь казялісö кык пишаль, ыджыт рюкзак и эшö кытшöмкö ящик. • Сьöd усоккеза мужикыс здоровайтчис Серёжакöt. • Виталько да винерикыс тожö тöдсасисö. 			
--	---	--	--	--

	<ul style="list-style-type: none"> • Челядлө быдӱс эта ӱна гленитчис. Гленитчисӱ и асьныс изыскателлес. Бытшӱм мужиккез, гажайӱс кыкнанныс. • Изыскателлес мунӱмась кошшыны Пыдӱстӱм нюр сайӱ туй, а ния, Виталько да Серӱжа, бӱра кольччисӱ ӱтнаныс. <p>В: Бур. Вермитӱ адззыны цитатаз, кӱдна относитчӱны тиян геройез дынӱ. А ӱни эшӱ думайтамӱ невна повестьыс вылын.</p> <p>В: Сета мӱдик заданнӱ быд группалӱ. Лоасӱ листоккез, кытӱн гижӱмась цитатаз фольклорись. Тиянлӱ колӱ текстсис адззыны вачкисяна торрез. Невна думайтам, а сӱсся пондам сӱрнитны (1 группа – серпас лешӱйлӱн и сылӱн внешнӱй характеристика; 2 группа – лешӱй йылысь тор (характер); 3 группа – нюрлӱн описаннӱ; 4 – преданнӱзись тор богатыррез йылысь; 5 группа – керӱны итог)</p> <p>Ч: (Примернӱй ответтӱз)</p> <p>1) Серпас вылын сетӱм лешӱй. И гижӱм, что «Лешӱй ростнас вӱр</p>			
--	---	--	--	--

	<p>сувда и өддөн сьокыт. Юрсиыс сылөн пыр гынмөм, паськөмыс умоль, кизз кузьось, коккез чукыляось, синлыссэз абу, синнэз ойнас сотчоны, тошыс кузь». Миян мненне сьорти, повестяс вачкисьö лешойыс вылө Пельтөм Селько: «Аскодя вөлі старикыс. Юрсиыс гөрд, кыз шонди, тошыс гөгви. И тожө гөрд, кыз бикыв. Но мый главнойыс, дак этö – синнэс. Лэчытось, шучкөп бытшкөны, көр дзарнитас тэ вылө. Только колдуннэзлөн да лешаккезлөн пö овлөны сэтшөм синнэс».</p> <p>2) Лешойыс частожыксö керö умоль поступоккез. Быличкаэзын баитсьö, что «кытшөмкө годö вөр көзяиныс мөссэзнымөс аслас йөрö йөртліс»; «Кокорник деревняись лешойыс зонкаөс вөлі гусявлөма». Сідзжө лешойыс вөрас отирсö өштөтө. Пельтөм Селькоыс вачкисьö лешойыс вылө и характернас. Сія сідзжө өштөтіс изыскателлезөс вөрын, вийис мортгээс, керö быдөс только асмоснас. И мөдіккесö повестяс, если ния керисö мыйкө умольö,</p>			
--	--	--	--	--

	<p>шуоны лешакон. Например, куканыс пышшис болотоас и дед Петрован сийо шуис лешакпьянон.</p> <p>3) Исследователь мненне съорті, «знаком лесного считается дым, регулярно поднимающийся в лесу, на болоте или холме. Предполагается, что именно в этих местах находится его жилище».</p> <p>Сідзжө лешачой местаон лыддиссьо сия местаис, кытон пыр кылөны кытшөмкө шыэз: сералөм, горөтлөм или жө кайө би. Текстас болотоис лоө лешачой местаон.</p> <p>Сэтчин, кызд баитоны отырис, лешаккез уна. «Нельки төвнас оз кынмывлы. Сідз парыс и кайө, бытьтө самоварись»; «монахез висьтасьлөмась, бытьтө ойезнас мукөдпырся рявзө лешак, и прокод мыйкө бульчикайтө».</p> <p>4) Кудым-Ош – это легендарной коми-пермяцкой богатырь, культурной герой. Ростыс сылөн куим аршин, силаыс да умыс кызд куим мортлөн. Пера-богатырь – это модік легендарной богатырь. Ростнас сия вөлі не өддьөн ыджыт, но паськт пельпона. Текстас богатыррез вылө вачкисьоны</p>			
--	---	--	--	--

	<p>Сергей Петрович, изыскатель, «вöлі ыджыт мыгöра да ён». Сылөн уджыс корö, медбы мортыс босьтис чертаэсö богатырьлись. Сідзжö милиционер Наган Наганыч «паськыт мороса богатырь». Милиционерыслö тожö колö лоны вынаён, медбы вермыны кутавны умöль морттээс.</p> <p>5) Повестьын «Ва увтын пос» часто пантасьöны элементтээ фольклорись. И.А. Минин пыртö текстас лешöйöс. Сы отсötөн петö образ Пельтöм Сельколөн и вежöртöтсьö, мыля медшөр событиеез мунöны нюрын. Сідзжö богатыррез вылö вачкисьöны милиционер да изыскатель.</p>			
5. Конц ептуал ьнöй осмысл еннө	<p>В: Мийö висьталім повестьлись ассиямасö. Тийö вежöртит, что текстас эмось фольклорнöй элементтээ и этөн сiя оз вачкись мöдик произведеннөез вылö. Сідзжö сетім характеристика быд геройлö, казялім кытшöмось нiя неöткодьöсь. Висьталам öнi öтик кылөн, кыз позьö шуны быд геройсö?</p> <p>Ч: Дед Петрован – наставник,</p>	<p>Сетö юасьöм. Корö керны вывод.</p>	<p>Сетөн ы ответ юасьöм вылö.</p>	<p>Познавател ьнöй: кужны керны выводдээ урок сьöрти; регулятивн öй: кужны аргументир уйтны ассиныс</p>

	<p>Пельтём Селько – лешак, Виталько да Серёжка – геройез (керёны подвиг), изыскателлез – повтёмось.</p> <p>В: Мийё отамодос бытшёма кывзімё. Ёні пондылам аркмётны кластер быд герой сьёрті. Кластерлісь форма бөрьят асьныт. Уджалам самостоятельнёя. Это уджсё керны тиянлё отсаласё висьттэз группаэслён. Быд геройлё петкётны характеристика не етшажык куим пунктся.</p>			<p>ответсё;</p> <p>коммуника</p> <p>тивнёй:</p> <p>кужны</p> <p>кывзыны и</p> <p>кывны</p> <p>отамодос.</p>
6. Рефлексия	<p>В: Бур. Тиян одзын куйлёны картаэз удж донтём понда. Сэтён гижёмась номеррез быд группалён. Тиянлё колё сувтётны оценкаэз.</p>	<p>Висьтал</p> <p>ё мый</p> <p>керны;</p>	<p>Сетён</p> <p>ы дон</p> <p>ёрттэз</p> <p>уджлө;</p>	<p>Регулятивн</p> <p>ёй: кужны</p> <p>сетны дон</p> <p>асланыс</p> <p>уджлө;</p>
7. Гортся удж	<p>В: Гортын тиянлё колё гижны синквейн любимой герой йылісь, памяткаэз сьёрті.</p>	<p>Сетё</p> <p>гортся</p> <p>удж.</p>	<p>Гижён</p> <p>ы</p> <p>гортся</p> <p>удж.</p>	<p>Познавател</p> <p>ьнёй:</p> <p>кужны</p> <p>керны</p> <p>выводдэз</p> <p>быд герой</p> <p>сьёрті.</p>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема взаимодействия литературы и фольклора – одно из важнейших направлений современного литературоведения. Коми-пермяцкая литература, источником зарождения которой считается устное народное творчество, не утратила этих связей и во второй половине XX века, в чем убеждает предпринятый нами анализ прозы Минина.

В произведениях Минина наиболее востребованными из фольклорных жанров оказываются предание и быличка, из форм присутствия фольклора в художественном тексте наиболее частотным является образное заимствование: богатыри и леший становятся прототипами литературных героев.

Леший – один из самых популярных героев быличек. Его включение в художественное произведение Минина выражается в двух основных формах. Первая форма представляет собой явное перенесение фольклорного образа в художественное произведение («Чөвпан мыс дын» («У Челпан горы»), «Ӧтік лун и ӧтік ой» («Один день и одна ночь»), «Чекистлӧн сьӧлӧм» («Сердце чекиста») и др.). Вводя лешего как самостоятельного героя в сюжет того или иного художественного текста, писатель таким образом показывает существенные черты картины мира коми-пермяков, приписывающих каждому месту своего хозяина: в доме – домовый, в воде – водяной, в бане – банник, в лесу – леший. С этим, по нашему мнению, связана популярность образа лешего в прозе Минина. Кроме того, вера в мифологических персонажей самого писателя также могла служить основой для сюжета произведения с участием данного героя.

Вторая форма образного заимствования связана с ассоциациями, когда создаваемый писателем образ лишь напоминает о лешем, приобретает некоторые его черты («Боболь Ванялӧн шапка» («Шапка Боболь Вани»), «Паныт уйис тӧлӧсь» («Навстречу плыла луна»), «Ойся цветтэз» («Ночные цветы»), «Оча морос» («Лицом к лицу»), «Макарихалӧн счастье» («Счастье

Макарихи») и др.). Минин наделяет характеристиками лешего литературных персонажей, прежде всего, для усиления их отрицательных качеств либо плохих поступков.

Примечательно, что в прозе Минина наблюдается разное отношение к появлению мифологического персонажа в качестве героя: в одном случае, его литературные герои верят в существование демонических персонажей («Öтік лун и öтік ой» («Одинь день и одна ночь»), «Ва увты пос» («Мост под водой»), «Чөвпан мыс дын» («У Челпан горы»), «Кыдз шыннälö Апостол» («Как смеется Апостол») и др.), а в других случаях, литературный герой отрицает появление «нечисти»: («Чөвпан мыс дын» («У Челпан горы»), «Кыдз менö колдуннälөн шуисö» («Как меня колдуньей назвали»), «Ва увтын пос» («Мост под водой») и др.).

Минин активно использует материал преданий для создания литературных образов, в которых легко можно найти черты эпических героев – Кудым-Оша, Перы-богатыря. Литературного героя с эпическим сближают, прежде всего, портретные характеристики (богатырское телосложение, медвежья сила), а также внутренние качества («правдивость и независимость, ум и ловкость, трудолюбие и смелость»). Данные черты выявляются как у мужских образов, так и у женских персонажей.

Таким образом, анализ художественных произведений Минина в плане связей с фольклором обогащает имеющиеся научные представления о его творчестве, дает возможность выявить глубинные связи коми-пермяцкой прозы с устным народным творчеством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Художественная литература

1. Климов В.В. Гавкалӧн бeдь // Лӧз йӧрнӧс. Рассказы, повесть, сказки, предание, легенды для младшего и среднего школьного возраста / на коми-перм. яз. Кудымкар: изд-во «Пермская книга», Коми-Перм. отд., 1992. С. 114-216.
2. Минин И.А. Боболь Ванялӧн шапка. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1972. 174 с.
3. Минин И.А. Ва увтын пос. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1970. 92 с.
4. Минин И.А. Вижлок Пронялӧн медбӧрья ой // Фадеев Т.П., Ратегова Л.П. Пармалӧн шыэз / проза на коми-перм. яз. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1997а. С. 101-105.
5. Минин И.А. Комолӧй чӧрт // Фадеев Т.П., Ратегова Л.П. Пармалӧн шыэз / проза на коми-перм. яз. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1997б. С. 93-96.
6. Минин И.А. Кыдз менӧ колдунняӧн шуисӧ // Фадеев Т.П., Ратегова Л.П. Пармалӧн шыэз / проза на коми-перм. яз. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1997в. С. 97-100.
7. Минин И.А. Кыдз шыннӧлӧ Апостол // Минин И.А. Оча морос. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1988а. С. 41-184.
8. Минин И.А. Макарихалӧн счастье // Минин И.А. Оча морос. Рассказы. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1964а. С. 86-123.
9. Минин И.А. Монастырский сундук // Минин И.А. Кукушкин рай. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1996. С. 165-247.
10. Минин И.А. Ойся цветтӧз // Минин И.А. Оча морос. Рассказы. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1964б. С. 3-21.
11. Минин И.А. Оча морос // Минин И.А. Оча морос. Рассказы. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1964в. С. 22-59.

12. Минин И.А. Ётік лун и ётік ой // Минин И.А. Кайскöй волок. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1982. С. 196-285.
13. Минин И.А. Паныт уйис тöлісь. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1968. 130 с.
14. Минин И.А. Свадьба панытö // Минин И.А. Оча морос. Рассказы. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1964г. С. 72-85.
15. Минин И.А. Чекистлөн съёлём // Минин И.А. Оча морос. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1988б. С. 5-40.
16. Минин И.А. Чöвпан мыс дын. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1962. 139 с.
17. Минин И.А. Шоныт кеписсез // Минин И.А. Оча морос. Рассказы. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1964д. С. 60-71.
18. Фадеев Т.П. Тöдісь // Олём лун / рассказы и повести на коми-перм. яз. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1991. С. 47-55.

II. Литературная критика и литературоведение

19. Андреев Н.П. Фольклор и литература // Литературная учеба, 1936. № 2. С. 64-99.
20. Богомолов В.А. Писатели Пермской области: библиогр. спр. Пермь: Книга, 1996. С. 109-111.
21. Гладких Ю.Г., Гордеева Е.М., Подюков И.А. Этнопоэтика художественного и фольклорного текста. Пермь: ПГГПУ, 2013. 90 с.
22. Голева Т.Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: изд-во «Маматов», 2011. 271 с.
23. Горелов А.А. К истолкованию понятия «фольклоризм литературы» // Русский фольклор. Т.12. Л., 1979. С. 31-48.
24. Гусев В.Е. Фольклоризм // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 9 / под ред. А.А. Суркова. М.: Сов. энцикл., 1978. Стб. 762.
25. Далгат У.Б. Литература и фольклор. М.: Наука, 1981. 303 с.

26. Иванов В.В., Топоров В.Н. Юмала // Мифы народов мира: энциклопедия. [Электронное издание]. М., 2008. С. 1133. [Электронный ресурс]: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf (дата обращения: 10.05.2018).
27. Климов В.В. Коми-пермяцкое народное устное поэтическое творчество. Кудымкар, 1960. 224 с.
28. Климов В.В. Корни бытия: этнографические заметки о коми-пермяках; на коми-перм. и рус. яз. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2007. 368 с.
29. Климов В.В. Оласо да вюласо. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1990. 366 с.
30. Коми-Пермяцкий автономный округ на рубеже веков / сост. Л.П. Ратегова. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2000. 392 с.
31. Косова Л.А. В мире поэзии Пармы: сб. статей. Кудымкар, 2005. 82 с.
32. Косова Л.А. Художественный мир современной коми-пермяцкой поэзии: очерки. Кудымкар, 2007. 127 с.
33. Кравцов Н.И. Русская проза второй половины XIX века и народное творчество. М., 1972. 87 с.
34. Левинтон Г. К проблеме литературной цитации / Материалы XXVI научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика. Тарту: ТГУ, 1971. С. 26-28.
35. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
36. Лихачев Д.С. Поэтика Древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 352 с.
37. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.

38. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. 1980. [Электронный ресурс]: http://www.e-reading.by/bookreader.php/38273/Medrish_-_Literatura_i_fol'klornaya_tradiciya,_Voprosy_poetiki.html (дата обращения: 21.02.2018).
39. Минин Иван Алексеевич // Город на Иньве: Кудымкар: годы и люди. Пермь, 1997. С. 150.
40. Ожегова М.Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Перебогатыре. Пермь, 1971. 131 с.
41. Ожегова М.Н. Устное народное поэтическое творчество. Кудымкар, 1962. 114 с.
42. Пахорукова В.В. Иньва йылсь сьыланкыв. Коми-пермяцкӧй литература 20-80 годдэзӧ. Кудымкар: Перм. кн. изд-во, 1989. 190 с.
43. Пахорукова В.В. История коми-пермяцкой литературы. Т. 1. Проза. Сыктывкар, 2004. 217 с.
44. Пахорукова В.В. Коми-пермяцкая литература XX века. Кудымкар, 2011. 220 с.
45. Пахорукова В.В. Пути и проблемы развития коми-пермяцкой прозы. Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1977. 174 с.
46. Пиксанов В.К. Горький и фольклор. 2-е изд. Л.: Гослитиздат, 1938. 192 с.
47. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 194 с.
48. Степанова Т.М., Бессонова Л.П. Типология фольклоризма литературных текстов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2007. № 2. С. 245-249.
49. Трыкова О.Ю. О классификации способов взаимодействия русской литературы 20 века с фольклором [Электронный ресурс]:

http://vestnik.yspu.org/releases/doskolnoe_obrazovanie/1_5/ (дата обращения: 15.04.2018).

50. Трыкова О.Ю. Отечественная проза последней трети XX века: жанровое взаимодействие с фольклором: автореф. ... д-ра филол. наук. М.: МПГУ, 1999. 38 с.